

УДК 811.161, УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)41

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ В ПЕРЕВОДЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Воронцов Владимир Валентинович

Санкт-Петербургский государственный университет (1992)

Северо-Западная Академия Государственной службы
при Президенте Российской Федерации (1999)

bras@mail.ru

ORCID 0000-0003-0120-6134

Аннотация. Статья В. В. Воронцова посвящена критическому анализу практики публикации и перевода древнерусских летописей на современный русский язык. Автор ставит под сомнение устоявшиеся текстологические и переводческие подходы, включая орфографическую модернизацию, компиляцию разночтений из различных списков и интерпретирующий перевод. На основе сопоставления фотокопий подлинников летописных рукописей, факсимильных источников, дипломатических транскрипций и классических изданий демонстрируется наличие систематических расхождений между рукописным текстом и его «подготовленными» версиями.

Особое внимание уделяется анализу ключевых лексем и этнонимов, а также реконструкции генеалогии интерпретационных ошибок в историографии. Автор аргументирует, что ряд переводческих решений, закреплённых в академической традиции, приводит к искажению смысловой структуры источника. В работе предлагается пересмотр методологических оснований текстологической подготовки летописей и выдвигается требование максимально нейтрального, формализованного подхода к переводу, основанного на прямой работе с рукописными источниками.

Статья имеет значение для источниковедения, исторической филологии и историографии Древней Руси, стимулируя дискуссию о границах допустимой редакторской интервенции и статусе перевода как научного инструмента.

Ключевые слова. Древнерусские летописи, Лаврентьевская летопись 1377 года, начальный свод, Повесть временных лет, Ипатьевская летопись, Новгородская первая летопись, Радзивилловская (Кёнигсбергская) летопись, В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, Н. М. Карамзин, Д. С. Лихачёв, О. В. Творогов, А. А. Шахматов, В. Панов, А. С. Клеванов, М. Д. Присёлков, варяги, русь, Рюрик, чудь, словене, кривичи, меря, весь, хазары, единица обложения, рало, соха, щеляг, веверица; текстология; источниковедение; историческая

филология; перевод древнерусских текстов; орфографическая модернизация; дипломатическая транскрипция; факсимиле; этнонимы; семантическая интерпретация; редакторская интервенция; историография Древней Руси.

A CRITICAL ANALYSIS OF PUBLICATIONS OF OLD RUSSIAN CHRONICLES TRANSLATED INTO MODERN RUSSIAN

Vorontsov, Vladimir V.

Saint Petersburg State University (1992)

The Russian Presidential North-Western
Academy of Public Administration (1999)

bras@mail.ru

ORCHID 0000-0003-0120-6134

Abstract. The article by Vladimir Vorontsov is devoted to a critical analysis of the practice of publishing and translating Old Russian chronicles into modern Russian. The author questions established textual and translation approaches, including orthographic modernization, the compilation of variant readings from various manuscripts, and interpretive translation. Based on a comparison of photocopies of original chronicle manuscripts, facsimile sources, diplomatic transcriptions, and classical editions, the presence of systematic discrepancies between the manuscript text and its "prepared" versions is demonstrated.

Particular attention is given to the analysis of key lexemes and ethnonyms, as well as to the reconstruction of the genealogy of interpretative errors in historiography. The author argues that a number of translation decisions, enshrined in the academic tradition, lead to a distortion of the semantic structure of the source. This paper proposes a revision of the methodological foundations of the textual preparation of chronicles and calls for a maximally neutral, formalized approach to translation, based on direct work with manuscript sources.

This article is of significance for source studies, historical philology, and the historiography of Ancient Rus', stimulating discussion about the limits of acceptable editorial intervention and the status of translation as a scholarly tool.

Key words. Russian chronicles, Rus' chronicles, Primary Chronicle, Laurentian Codex of 1377, Hypatian Codex, Novgorod First Chronicle, Radziwiłł (Königsberg) Chronicle, V. N. Tatishchev, G. F. Miller, N. M. Karamzin, D.S. Likhachev, O. V. Tvorogov, A. A. Shakhmatov, V. Panov, A. S. Klevanov, M. D. Prisyolkov, Varangians, Rus', Rurik, Chuds, Slovenes, Krivichs, Meryans, Ves (Weś), Khazars, taxation unit, plough, sokha, szeląg, vevertitsa; textual criticism; source studies; historical philology; translation of Old Russian texts; orthographic modernization; diplomatic transcription; facsimile; ethnonyms; semantic interpretation; editorial intervention; historiography of medieval Rus'.

аудиторию эта публикация рассчитана? Не говоря о глубоких сомнениях в соответствии отредактированного текста оригиналу и необходимости в связи с этим постоянно сверяться с факсимиле или фотографией подлинника.

Средневековые летописные памятники, воспроизводящие текст созданной ранее летописи (протографа), сделанные не её автором, принято называть списками. По содержанию летописи далеко не идентичны. Исторические сведения об одном и том же событии, содержащиеся в разных летописях, могут, как существенно отличаться, так и полностью противоречить друг другу. Эти нюансы принято называть «разночтениями». При публикациях учёные ловко спекулируют на этом, выдавая тексты с разночтениями то за разные летописи, то за разные списки одной и той же летописи, в зависимости от того, что им выгодно. В печатный вариант, как правило, входит текст, который автор публикации выдаёт за единственно правильный, а разночтения отмечаются маленькими сносками, которые расставлены в таком количестве, что читатель перестаёт обращать на них внимание. Другими словами, ни одна из средневековых русских летописей не была опубликована в том виде, в котором она существует в подлиннике. Это является вторым существенным недостатком публикаций русских летописей.

Приятным исключением является подготовленное до революции, но состоявшееся только в 1926-1928 гг. издание Лаврентьевской и Суздальской летописей с продолжением по Академическому списку¹, а также Ипатьевской летописи в 1923 г.² Они почти полностью соответствуют манускриптам.

Можно буквально пересчитать по пальцам факсимильные издания подлинников. Этой чести удостоились только 4 летописи: Ипатьевская³, Лаврентьевская⁴, Новгородская Первая⁵ и Радзивилловская (Кёнигсбергская)⁶. Причём первые две были опубликованы не целиком, а только начальный свод («Повесть временных лет» или ПВЛ). Существуют также редкие красочные факсимильные издания «Лицевого летописного Свода», изготовленного в XVI веке в единственном экземпляре для Ивана Грозного. Но сам Свод имеет, скорее, художественное, чем научное значение.

¹ ПСРЛ, т. I. 2-е изд. / Под ред. Е. Ф. Карского. Вып.1-3. — Л., 1926—1928.

² ПСРЛ, т. II. Вып. 1, изд. 3-е. — Петроград, 1923.

³ Повесть временных лет по Ипатскому списку. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии, 1871.

⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии, 1872.

Лаврентьевская летопись [Текст]: факсимильное издание / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Российской академии наук, Российская национальная библиотека. — Санкт-Петербург: Росток, 2017.

⁵ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии, 1875.

⁶ Радзивилловская, или Кёнигсбергская, летопись. — СПб., 1902. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи.

Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994. Кн. 1-2. (в Кн. 1 — полное факсимильное цветное воспроизведение памятника, в Кн. 2 — полная транскрипция текста, статьи Г. М. Прохорова и Б. А. Рыбакова, искусствоведческое описание всех миниатюр).

В интернете с Лаврентьевской летописью можно ознакомиться в оригинале на сайте Российской Национальной библиотеки «Лаврентьевская летопись 1377 г. Электронное представление рукописного памятника»⁷. Ипатьевская летопись оцифрована на сайте «Ипатьевская летопись | НЭБ Книжные памятники»⁸. Размещение этих памятников с подробным описанием можно считать большим достижением современной науки.

Но, что самое удивительное, до сих пор ни один из летописных сводов не был переведён на современный русский язык полностью. Вообще, переводов летописей опубликовано ещё меньше, чем факсимильных копий подлинников. Подавляющая масса населения нашей страны, не владеющая древнерусским и церковнославянским языками, не может ознакомиться с древнерусскими летописями - основным и самым главным письменным источником по русской истории - только потому, что ни Академия Наук, ни официальное научное сообщество не считали нужным летописи переводить.

Но и те переводы, которые всё-таки были опубликованы, далеки от совершенства. Переводились только выборочные летописи, и то частями. Как я уже отметил, ни Археографическая комиссия, ни Академия Наук переводами средневековых русских летописей вообще не озадачивались. Их публиковали за свой счёт сами переводчики. До 1950 года было только две публикации – одна до революции, вторая – при советской власти. В 1871 г. А. С. Клеванов опубликовал за свой счёт перевод начального свода Лаврентьевской летописи (до 1110 г.) с продолжением по Ипатьевской (с 1111 по 1200 г.) и изложением дальнейших событий на юго-западе Руси (Галицко-Волынская летопись) с 1201 по 1305 год⁹. Следующее издание состоялось только через 65 лет: в 1936 г. негосударственное издательство Academia выпустило сборник «Древнерусские летописи» в переводе В. Панова¹⁰. Он включил в себя те же памятники с сокращениями – начальный свод до 1110 года - текст, обработанный А. А. Шахматовым в книге: «Повесть временных лет», том I, Петроград 1916 (под заголовком «Летопись Нестора»), Киевскую с 1111 по 1200 г. и Галицко-Волынскую летописи с 1201 по 1291 г. по Ипатьевскому списку, изданному во II томе ПСРЛ, 2-е изд. СПб, 1908.

Академия Наук СССР только в 1950 г., наконец, опубликовала под своей вывеской перевод Лаврентьевской летописи, но не целиком, а только начального свода – Повести временных лет – до 1110 года, с продолжением о событиях 1111 – 1117 гг. по «Ипатьевскому списку»¹¹. Автором подготовки

⁷ Лаврентьевская летопись 1377 г. Электронное представление рукописного памятника – дата обращения 20.02.2026 г.: <https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php>

⁸ Ипатьевская летопись | НЭБ Книжные памятники. Электронный ресурс – дата обращения 20.02.2026 г.: <https://kp.rusneb.ru/item/material/ipatevskaya-letopis>

⁹ Клеванов А. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от её начала до половины XIV века. — М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1871.

¹⁰ Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова; Статьи В. Лебедева и В. Панова. — М.—Л.: Academia, 1936.

¹¹ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть 1-2. Изд. АН СССР. М-Л, 1950.

текста, перевода, разночтений, статей и комментариев был Д. С. Лихачёв¹². Через 47 лет после этого в 1997 г. в 1 томе книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси» была опубликована с параллельным переводом О. В. Творогова ПВЛ по Ипатьевской летописи, охватывающая события до 1117 года¹³. В 5 томе той же серии был напечатан другой отрывок из Ипатьевской летописи - Галицко-Волынская летопись с 1201 по 1292 г. в переводе О. П. Лихачевой¹⁴. Опубликованные в 7-ом томе той же серии так называемые «Севернорусский летописный свод 1472 года»¹⁵ и «Независимый церковный летописный свод 80-х гг. XV в.»¹⁶ являются не оригинальными средневековыми памятниками, а компиляцией из нескольких летописных списков, соединённой с «реконструкциями» древних текстов. И, наконец, в 2017 г. была издана Лаврентьевская летопись в переводе Г.М. Прохорова¹⁷. Это последняя по времени публикация.

Если не считать разбросанных по различным сборникам переводов летописных фрагментов с описанием отдельных исторических событий (они обычно называются «летописными повестями») и изданий ПВЛ в пересказах для детей и для начального чтения, это исчерпывающий перечень опубликованных переводов средневековых летописей на современный русский язык. Из них только один – а именно перевод ПВЛ «по Лаврентьевской летописи» Д. С. Лихачёва – неоднократно переиздавался¹⁸. Поэтому он считается чуть ли не «классическим» и постоянно цитируется в работах историков. Обилие цитат из перевода Д. С. Лихачёва в нашей научной литературе связано не с тем, что его перевод сделан профессионально и полностью соответствует оригиналу, а с тем, что он хорошо растиражирован. Качество его перевода я проанализирую подробно.

¹² За исключением статей о событиях 1111 – 1117 гг., которые перевёл Б. А. Романов (прим. авт.).

¹³ Творогов О. В. Повесть временных лет / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, «Наука», 1997. С. 62-315.

¹⁴ Галицко-Волынская летопись (Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой) / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб, «Наука», 1997. С. 184-357.

¹⁵ Севернорусский летописный свод 1472 года (Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова) / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб, «Наука», 1999. С. 318-529.

¹⁶ Независимый летописный свод 80-х годов XV века (Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье и Н. И. Милютенко, перевод Н. И. Милютенко / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб, «Наука», 1999. С. 400 – 554.

¹⁷ Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Российской академии наук, Российская национальная библиотека ; подготовка текста, перевод и исследования Г. М. Прохорова. - Санкт-Петербург : Росток, 2017.

¹⁸ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева / «Изборник» / Библиотека всемир. литературы. Серия первая. Т. 15. М., «Худож. лит.», 1969. С. 28-91.

Повесть временных лет. Подготовка текста О. В. Творогова, перевод Д. С. Лихачева / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — нач. XII в. М., «Худож. лит.», 1978. С. 23-278.

Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, и перевод Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб, «Наука», 1996.

Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб, Вита Нова, 2012.

¹⁹ Повесть временных лет. Комментарий О. В. Творогова / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — нач. XII в. М., «Худож. лит.», 1978. С. 420.

Шульгин в своих воспоминаниях о первой аудиенции у Николая II в 1907 г. пишет об особенностях произношения императора следующее:

«Обойдя всех, Государь вышел на середину полукруга и сказал короткую речь.

Я не помню ее всю, но ясно помню ее конец:

– Благодарю вас за то, что вы мужественно отстаиваете те устои, при которых Россия росла и крѣпла...

Государь говорил негромко, но очень явственно и чётко. Голос у него был низкий, довольно густой, а выговор чуть-чуть с налётом иностранных языков. Он мало выговаривал „ѣ“, почему последнее слово звучало не как „крѣпла“, а почти как „крѣпла“²⁰.

Эти же особенности в речи Николая II отмечал и генерал Ю. Н. Данилов: «в речи императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой „ять“»²¹.

Исходя из этих свидетельств, **е** и **ѣ** обозначали всё-таки разные звуки, если их различали на слух. Впрочем, и сама современная буква **е** может обозначать совершенно разные звуки в зависимости от позиции в слове: [йэ], [э], [и], и даже [ы] после всегда твёрдых согласных ж, ц, ш (жевать, целовать, шептать). При этом самого звука «е» не существует. С точки зрения транслитерации оставлять в тексте букву **ѣ** никакого смысла нет. Даже для различения омоформ. Их слишком мало. На память могу назвать только одну пару: «ѣсть» (принимать пищу) и «есть» (форма глагола «быть» 3 лица единственного числа настоящего времени).

А вот при транслитерации букв «ижица» и «ук» («уник»), которые являются производными от греческого «ипсилон», у редакторов текста происходила полная путаница. Дело в том, что ижица в средневековье писалась так же, как греческий ипсилон - **ϣ**. Она использовалась в основном в словах, заимствованных из греческого. В начале слова и между согласными буквами она обозначала звук [и]. Например, **Ѣгѣпетъ** – Египет. А между гласными - [в]. Например, **Ѣвангелиѣ** – Евангелие. Буква «у» [у] по правилам средневековой орфографии так же, как в греческом, обозначалась диграфом «**оу**» (омикрон-ипсилон, церк.-слав. «**Ѡуникъ**»²³). На письме **о** из этого диграфа часто выбрасывалось. В скорописи и младшем полууставе **ϣ** ставилась сверху на **о**, в результате чего получилась лигатура **Ѥ** (церк.-слав. «**Ѥкъ**»). Впоследствии она трансформировалась в обычную **ѣ**, как ижица. Таким образом, один и тот же знак **ѣ** стал обозначать две разные буквы. Чтобы их

²⁰ Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., Новости, 1990. С. 505.

²¹ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Вел. Князе Михаиле Александровиче / Архив русской революции. Т. 19. — Берлин. 1928. С. 213.

²³ Гусев А. Элементарный учебник церковно-славянского языка для начальных училищ, церковно-приходских школ и школ грамоты. Москва. В синодальной типографии. 1892. Стр. ѧ.

различать, от ижицы отрезали нижний хвост, и она приобрела вид, как латинская V, а ипсилон остался в форме ѱ. Он стал обозначать исключительно звук [y]. Однако в средневековых русских летописях XIV – XVI вв., о которых мы говорим, этой трансформации ещё не произошло. В тексте ПВЛ, где летописец цитирует византийскую хронику Георгия Амартола, при транслитерации слов **Сѣрина, Асѣране, Вифѣнню, Старѣю Фрѣнню, Кѣпрѣ, Великая Сѣѣѣ** и т.д. они должны писаться «Сирия, Асирияне, Вифинию, Старую Фригию, Кипрѣ, Великая Скифѣ». Однако абсолютно во всех вариантах транслитерации подлинников в публикациях летописей мы видим на месте современной буквы **и** неуместную букву **у**.

В свою очередь, диграф «оѣ», который считался за одну букву и обозначал звук [y], при транслитерации почему-то оставляют без изменений, и вместо слов, к примеру, «учитель» пишут «оѣучитель», вместо «Синеусѣ» – «Синеоѣусѣ», вместо «утвердѣти» – «оѣутвердѣти» и т. д. И складывается впечатление, что в древности люди именно так и говорили, что не соответствует действительности. Такая выборочная транслитерация выглядит, мягко говоря, непрофессионально, а с точки зрения восприятия текста, карикатурно.

2. МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ ТЕКСТА. ЭТАП ВТОРОЙ. РЕДАКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ

Но на транслитерации «подготовка текста» летописи к переводу не заканчивалась. Вместо того чтобы просто перевести текст рукописи на современный русский язык, начиналось редактирование его содержания. Никто не хотел быть просто переводчиком. Необходимо было заявить о себе, как о крупном учёном, сочетающим в себе филолога, историка, палеографа, литературоведа и т. п. Кроме того, каждый хотел превзойти летописца и исправить его «ошибки». В текст летописи обязательно вставлялись слова и целые куски из других летописных памятников, а также «смысловые исправления»²⁴. В комментариях давались квазинаучные объяснения, по какой причине летописец написал неправильно, и почему переводчик это исправил. А иногда вообще никаких комментариев не было. В результате до читателя доходил искажённый текст, не соответствовавший оригиналу литературного памятника, и перевод этого искажённого текста.

В статье «Археографический обзор списков “Повести временных лет”» Д. С. Лихачёв подвергает резкой критике своих предшественников, которые считали «ущербным» издание Повести временных лет только по одному из известных списков, например, Лаврентьевскому. По их мнению, текст Лаврентьевской летописи не является, с одной стороны, первоначальным, авторским текстом ПВЛ (он относится к 1377 г., т. е. отстоит от времени составления «Повести», по их предположениям, более чем на двести

²⁴ Повесть временных лет. Комментарий О. В. Творогова / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — нач. XII в. М., «Худож. лит.», 1978. С. 420.

пятьдесят лет), а, с другой стороны, не может дать представления о всем богатстве содержания всех многочисленных ее списков²⁵. Поэтому они и постоянно составляли компиляции из фрагментов разных летописей, а некоторые места дополняли собственными фантазиями, называя их «научной реконструкцией» текста. Д. С. Лихачёв останавливается на двух примерах.

В 1876 г. Л. И. Лейбович попытался создать „сводный текст” „Повести временных лет” „по всем изданным спискам летописи”²⁶. Стремясь к возможной полноте издания, Л. И. Лейбович соединил в общий текст все известия всех изданных к 1876 г. списков „Повести”. Текст этот механически соединяет взаимоисключающие утверждения летописцев различных эпох и различных убеждений, известия достоверные с известиями фантастичными, соединяет явно несоединимое, в результате чего подчас нарушается цельность и логичность летописного рассказа. При всем том работа Л. И. Лейбовича не имела единого принципа, хотя бы и механического сведения различных текстов, и была произведена весьма неряшливо. Пользоваться текстом Л. И. Лейбовича в настоящее время совершенно невозможно.

Другая попытка создания „стабильного” текста „Повести временных лет” была сделана А. А. Шахматовым. Последний преследовал другую, отличную от Л. И. Лейбовича, цель — реконструировать текст „Повести” только в ее первоначальных трех редакциях. Однако текст, изданный А. А. Шахматовым²⁷, в значительной мере отличается гипотетичностью. Перед нами иллюстрация к исследованиям самого А. А. Шахматова и только. Сам А. А. Шахматов протестовал против пользования изданными им реконструкциями как историческими источниками²⁸.

В противоположность Л. И. Лейбовичу и А. А. Шахматову Д. С. Лихачёв представляет свою версию «Повести» единственно правильной. Он заявляет: «Мы печатаем не „сводный текст” „по всем спискам” и не гипотетическую реконструкцию первоначального текста, а реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст. Все то наиболее ценное, что заключено в других списках „Повести”, что дополняет, разъясняет основной издаваемый нами текст или противоречит ему, приводится нами с пояснениями в комментариях. Комментарии, таким образом, служат в данном издании не только целям разъяснения текста, но и целям его восполнения»²⁹.

Однако сопоставление с манускриптом показывает, что данное утверждение Дмитрия Сергеевича не соответствует фактическому материалу. Его текст «Повести временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 года»

²⁵ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть 2. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 149.

²⁶ Лейбович Л. И. Сводная летопись, вып. 1, „Повесть временных лет”. СПб., 1876.

²⁷ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Изд. Имп. Археогр. комиссии. Петроград, 1916.

²⁸ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть 2. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 149-150.

²⁹ Там же, с. 150.

точно так же отредактирован и не соответствует тексту подлинника, в чём мы сейчас и убедимся.

3. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Повестью временных лет принято называть летописный свод, который озаглавлен соответствующим образом («**Се повѣсти времѣньныхъ лѣтъ, ѿкуда есть пошла Руская земля**» или аналогично); он обнимает события до второго десятилетия XII века и содержится в начале большей части летописных сводов XIV - XVII веков. В древнейших сводах держится довольно устойчиво один общий текст, в позднейших он подвергается или сокращению и случайным вставкам, или соединению с другим киевским летописным сводом и древними новгородскими известиями³⁰.

Лаврентьевская летопись - это старейшая из летописных рукописей, дошедших до наших дней. Время её создания и один из авторов нам точно известны из колофона на последних страницах (рис. 1): «и я, ничтожный, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий монах, начал писать книги эти, называющиеся Летописцем, месяца января в 14 (день) памяти святых отцов наших авв³¹, в Синае и Раифе убитых. Князю великому Дмитрию Константиновичу. А по благословению священного епископа Дионисия. И кончил месяца марта в 20 (день) памяти святых отцов наших, которые в монастыре святого Саввы убиты сарацинами. В год 6885»³². 6885 год от Сотворения мира обычно переводят в нынешнее летоисчисление от Рождества Христова, как 1377 г. По имени монаха Лаврентия летопись и получила своё название.

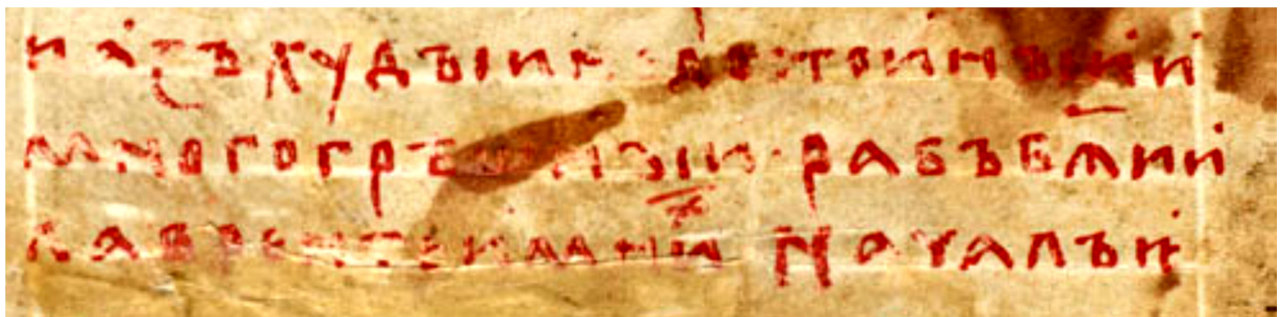

Рис. 1. Лаврентьевская летопись, оборот 172 листа. Автограф монаха Лаврентия:

и азъ худыи недостойный и
многогрешный рабъ бжии
лаврентей мнѣ Началъ к

«и я, ничтожный, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий монах начал ...»

³⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Изд. Имп. Археогр. комиссии. Петроград, 1916. С. I.

³¹ Авва (букв. «отец») – высшая уважительная форма обращения и почтительное название святых. От него, в частности, происходит название настоятелей католических монастырей – аббатов.

³² Лаврентьевская летопись, РНБ, F.n.IV.2, л. 172 об.

Рукопись представляет собой книгу на пергамене в большую четвертку, на 173 листах. Несколько листов рукописи утрачены (лакуны между л. 9 и 10, после л. 169 и после л. 170). Листы сброшюрованы в 24 тетради, обычное число листов в тетради – 8 (имеются отклонения). Однако в конце рукописи регулярная структура тетрадей нарушена: несколько листов срезаны и заменены другими, подклеенными на фальцах (вставные л. 157, 161, 167). До 40 листа письмо в сплошную строку, а с 40-го до конца рукописи в два столбца. Первые 40 листов написаны уставом среднего размера. На обороте 40 листа с 9-й строки начинается другой почерк – полуустав, помельче, не такой тщательный, и другими чернилами. Как полагают, именно он является почерком самого Лаврентия (им написан его колофон). Этот полуустав, продолжающийся до конца рукописи, перемежается в трех местах (л. 157, на обор. 161-го 10 нижних строк и л. 167) опять уставным мелким письмом разного размера и разными почерками.

Сам монах Лаврентий называет себя «книжным писателем», то есть переписчиком других, более старых летописных сводов. Историки полагают, что летопись переписана с трёх разных источников. Первый из них, который мы и называем «Повестью временных лет» (л. 1 об. – 96), излагает сначала легендарные библейские события, о том, как сыновья Ноя после потопа поделили между собой Землю, затем переходит к описанию происхождения и расселения потомков Иафета, подробно останавливаясь на славянах, затем приводит легенды о хазарской дани и основании Киева. Датированная часть начинается с 6360 года от Сотворения мира (852 г.н.э.) и заканчивается после статьи за 6618 (1110) год колофоном, в котором игумен Сильвестр, предположительно, переписчик и редактор ПВЛ, сообщает, что написал этот летописец (т. е. «Повесть») при князе Владимире, правящем в Киеве, в 6624 (1116) году. С 78-го по 85 лист помещено т. наз. «Поученье Владимира Мономаха», которого нет ни в одной из других летописей. Вторая часть Лаврентьевской летописи (л. 96—118) описывает события в Южной Руси с 6619 (1111) по 6669 (1161) год, а третья (л. 118—172 об.) касается в основном событий на Северо-Востоке Руси с 6672 (1164) г. Повествование в летописи доведено до 6813 (1305) года.

Утраты листов: между л. 9 и 10 - нет 6 листов с текстом 6406 (898) - 6429 (921) гг.; после л. 169 - нет 4-6 листов с текстом 6771 (1263) - 6791 (1283) гг.; после л. 170 - нет 1 листа с текстом 6796 (1288) - 6802 (1294) гг.³³

Д. С. Лихачёв начинает допускать ошибки в переводе, начиная с комментариев колофона монаха Лаврентия. Сообщая об окончании своего труда, Лаврентий просит не судить его строго, если он допустил ошибки:

³³ Лаврентьевская летопись. 1377. Описание рукописи // «Лаврентьевская летопись» © Российская национальная библиотека, 2012. Электронный ресурс:
https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Description.php?page=3

«И нынѣ гѣда ѿци и брѣа. ѡже са гдѣ бѹдѹ ѡписалъ . или переписалъ или недописалъ . ѹтите исправливаѹ бѣ дѣла . а не клените . занеже книги ветшаны . а оумъ молодъ . не дошелъ.»³⁴

Перевод здесь очевиден: «И ныне, господа отцы и братья, если я где-нибудь описался, или написал лишнего, или не дописал, окажите честь, исправляя, Бога ради, а не ругайте, поскольку книги древние, а ум молод, не дошёл». Лаврентий, как переписчик, предупреждает, что книги старинные, и он мог чего-то в них не разобрать в силу своей молодости.

Однако Д. С. Лихачёв относящееся к слову «книги» определение «ветшаны!» переводит не в средневековом значении «старинные, древние», а в современном значении «ветхие», то есть потерявшие свои первоначальные качества. Делает это он для того, чтобы подтвердить свои довольно странные мысли относительно состояния источников (у Лихачёва – одного источника), с которого Лаврентий переписывал свой манускрипт. Вот что пишет Дмитрий Сергеевич: «Ветхость летописи, с которой Лаврентий делал свой пергаменный список, была немалой: в ней не было конца изложения событий 898 г. и следующих лет до 922, не было изложения от 1263 г. - с середины жизнеописания Александра Невского - и до 1283 г., не было текста от 1288 г. до середины повествования 1294 г. Во всех этих местах Лаврентий вынужден был делать пропуски»³⁵.

Давайте попробуем с этим разобраться. Совершенно очевидно, что изначально никаких пропусков лет в изложении у Лаврентия не было. В противном случае текст обрывался бы на середине страницы, а не заканчивался ровно в конце оборотной стороны листа, причём все три раза. И, несомненно, Лаврентием были бы сделаны записи, почему в изложении им пропущены годы. Мы не знаем, сколько раз брошюровалась и переброшюровывалась летопись Лаврентия до того, как в 1790-ые годы оказалась в собственности А. И. Мусина-Пушкина, и сколько из неё пропало листов. Согласно экспертному заключению, переплет рукописи не исконный, по конструктивным особенностям и декору датируется XV - нач. XVI в.³⁶ На 10-ом листе в верхнем поле скорописным почерком конца XVII - начала XIX в. есть надпись "Здѣ много листовъ нѣтъ" (рис. 2). Несколько раз рукопись подвергалась редактированию с помощью удаления и вклейки листов, некоторые листы могут быть вставными. Пропуски лет эксперты из Российской Национальной библиотеки, как я уже указывал выше, объясняют утратой из манускрипта 11-ти – 13-ти листов.

³⁴ Лаврентьевская летопись, РНБ, Ф.п.IV.2, л. 173.

³⁵ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть 2. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 151.

³⁶ Лаврентьевская летопись. 1377. Описание рукописи // «Лаврентьевская летопись» © Российская национальная библиотека, 2012. Электронный ресурс:
https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Description.php?page=7

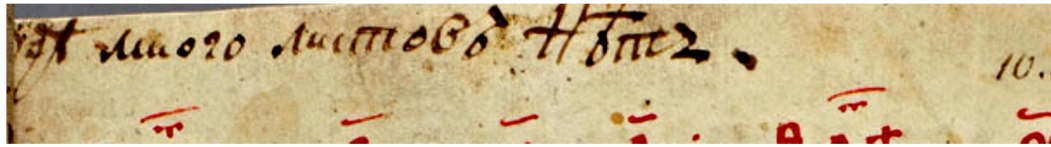

Рис. 2. Лаврентьевская летопись, л. 10. Помета почерком кон.XVII-нач.XIX в. о нехватке листов

В данном случае мы видим наглядный пример того, как переводчик (Д. С. Лихачёв) неправильно переводит отдельное слово, из-за чего коренным образом меняется смысл предложения, не понимает контекст, не имеет представления об истории хранения и реставрации рукописи, которая в письменном виде прилагается к единице хранения в библиотеке, и в результате совокупности ошибок делает ложные заключения. Критика в данном случае направлена не на личность переводчика, а на используемые методологические подходы.

4. ВНЕСЕНИЕ ИСПРАВЛЕНИЙ В ТЕКСТ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Теперь обратимся к переводу собственно текста летописи, сделанному Д. С. Лихачёвым.

Для примера возьмём летописную статью об одном из наиболее значимых событий в нашей начальной истории – легенду о призвании варяг и «начале Руси». В своём издании «Повести временных лет по Лаврентьевской летописи» 1950 года сначала Дмитрий Сергеевич приводит текст летописи, вернее, то, что он выдаёт за её текст, а потом – собственный перевод. Читаем текст и перевод под 6370-ым годом от Сотворения мира (862-ым новой эры). Жирным я выделил слова, которых в настоящем подлиннике Лаврентьевской летописи нет:

«**Въ лѣто 6370.** Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: „Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тѣ варязи русь, яко се друзии зовутся сѣе, друзии же урмане, анѣгляне, друзии гъте, тако и сѣ. Рѣша русь, чюдѣ, словѣни, и кривичи **и вси**; „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжити и володѣти нами“. И избрашася 3 брата с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, **сѣде Новѣгородѣ**, а другой, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборъстѣ, Труворѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля»³⁷.

Д. С. Лихачёв предлагает нам такой вариант перевода этого отрывка:

«**В год 6370.** Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. **И не было среди них правды**, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой. И сказали они себе: „Поищем себе

³⁷ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть первая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 18.

князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свеи (шведы), а иные норманы и англы, а еще иные готландцы, - вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а **порядка в ней нет**. Приходите княжить и **владеть нами**". И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собой всю русь, и пришли **к славянам**, и сел старший Рюрик **в Новгороде**, а другой - Синеус - на Белоозере, а третий - Трувор - в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля»³⁸.

Обратите внимание, что в переводе у Д. С. Лихачёва Рюрик с братьями «пришли **к славянам**». В его собственном «оригинале» никаких славян нет. Во втором издании Д. С. Лихачёва 1996 года славяне из перевода исчезают³⁹.

Теперь обратимся к настоящему подлиннику Лаврентьевской летописи по списку 1377 года. Приведу цветную фотографию 7-го листа этой рукописи (рис. 3). Сразу бросается в глаза, что дата призвания варягов и «начала Руси» - не 6370-ый, как у Д. С. Лихачёва, а 6369 год от Сотворения мира, т.е. 861 год нашей эры:

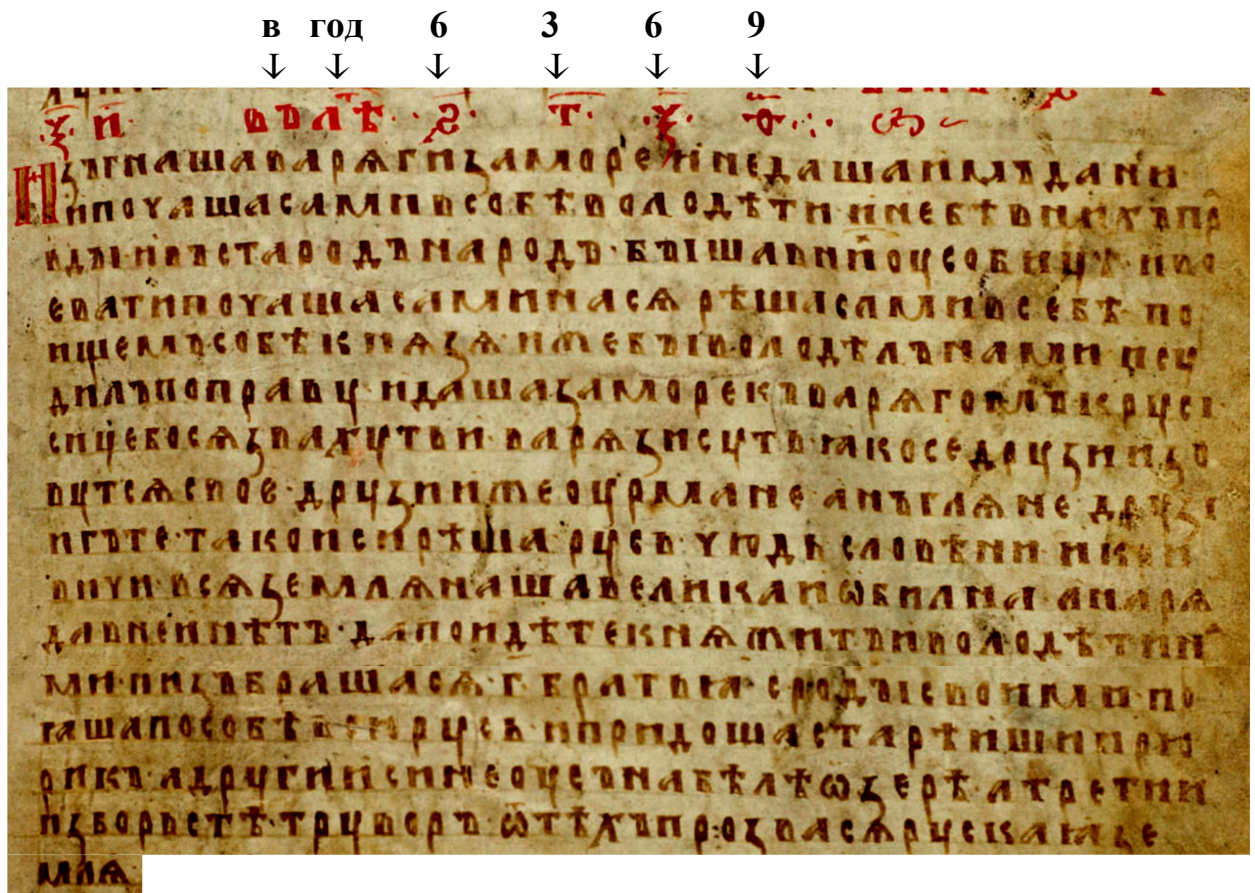

Рис. 3. Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 7
Текст с разбивкой на отдельные слова и предложения со знаками препинания:

³⁸ Там же, с. 214.

³⁹ Повесть временных лет, 2-е испр. и доп. изд. Подг. текста и перевод Д. С. Лихачева. СПб, Наука, 1996. С. 149.

Въ лѣ · з · ѣ · з · ѣ · ѣ ·
#

Изгнаша вараги за море и не даша имъ дани. **И** поучаша сами в собе володѣти. **И** не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша в нѣ оубоицѣ, и воевати поучаша сами на ся. Рѣша сами в себе: «Поищемъ собе князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идаша за море къ варягомъ к Русі. **С**ице бо ся зваху тѣхъ варязи сѣ, яко се друзии зъвуться свое, друзии же оурмане, англане, друзии гѣте, тако и си. Рѣша Русь чюдъ, словѣни и кривичи: «Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. **Д**а поидѣте княжитъ и володѣти нѣми». **И** избрашася · ѣ · братья с роды своими, поюша по собе всю русь, и придоша. Старѣиши Рюрикъ. **А** друзии, Синеусъ – на Бѣлѣ-озерѣ, а третии – Изборскѣ, Труворъ. **О** тѣхъ прозвася Руская земля.

Переводится отрывок следующим образом: «**В год 6369**. Изгнали варягов за море и не дали им дани. **И не было у них справедливости**, и встал род на род, была у них усобица, и воевать начали сами с собой. Сказали сами себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву. Пошли за море к варягам, к руси. Ибо так назывались те варяги, как другие называются свеи, другие же - урмане, англѣ, другие – готы; так и они. Сказали руси чудъ, словене и кривичи: „Вся земля наша велика и обильна, а **государственного устройства в ней нет**. Приходите княжить и **управлять нами**”. И избрались 3 брата с родами своими, взяв с собой всю русь, и пришли. Старейший Рюрик. А другой, Синеус – на Беле-озере, а третий - в Изборске, Трувор. От них прозвалась Русская земля».

В исторической науке датой «начала Руси» принято считать 6370/862-ой год. Эта дата фигурирует в большинстве русских летописей. Но, как переводчика, Лихачёва не должны интересовать другие летописи. Он переводит Лаврентьевскую. А мы видим, что именно **в Лаврентьевской летописи стоит другой год: 6369/861**. Это нисколько не смущает Дмитрия Сергеевича, и он совершенно спокойно ставит вместо 6369-го 6370-ый год и в переводе, и в «оригинале». При этом в комментариях он даже не утруждает себя объяснить, почему он так сделал. Подобное отношение к своей работе невозможно назвать профессиональным.

Надо отметить, что дата 6369 (861) год – не ошибка летописца. В «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» польского хрониста М. Стрыйковского (1582 г.) дата призвания варягов - тоже 861-ый, а не 862-ой год. При этом Стрыйковский полагает, что 861 год соответствует 6370 году от сотворения мира, «по русскому исчислению»⁴⁰. Событие, произошедшее через 20 лет после этого – поход преемника Рюрика князя Олега из Новгорода на юг и взятие им Киева, Лаврентьевская летопись тоже датирует не 6390 (882)-ым, как другие летописи, а 6389 (881) годом. В этой путанице дат, собственно, нет ничего удивительного. Год в Древней Руси начинался не с 1 января, а в разные эпохи по-разному. Он мог начинаться с 1 сентября (как было принято в Византии), а мог с 1 марта. При этом тот год на

⁴⁰ Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjowskiego. — Warszawa: Nakł. G. L. Glücksberga, 1846. — T. 1. — s. 113.

Руси, который начинался через полгода **после** византийского сентябрьского нового года, назывался годом по мартовскому стилю. Но новый год мог начинаться и на полгода **раньше** сентябрьского. Тогда он считался годом по ультрамартовскому стилю. Какой из этих трёх стилей – сентябрьский, мартовский или ультрамартовский – использовал летописец, установить достаточно сложно. Поэтому если у летописца стоит не тот год, который считают правильным современные историки, не означает, что летописец ошибся. Задача же переводчика – точно перевести и текст, и дату, а не корректировать их, как делает Д. С. Лихачёв. Именно из-за подобных корректировок становится невозможным понять, каким стилем пользовался автор летописи, и установить точную дату, когда произошло описываемое событие.

Теперь рассмотрим собственно текст.

Самой распространённой ошибкой у Д. С. Лихачёва является неправильный перевод межъязыковых омонимов. Слова, одинаковые по написанию или произношению в древнерусском и современном русском языках, но имеющие совершенно разное значение, он всегда переводит современным значением, то есть оставляет без перевода. Я уже говорил, что древнерусское слово «ветхѣни», «ветшанѣни», которое переводится на современный язык словами «старый», «прежний», «древний», в контексте колофона Лаврентьевской летописи он неверно расценивает, как «ветхий», в смысле «пришедший в негодность», и на основании этого делает ложный вывод о том, что летописец переписывал её с настолько «обветшалых» манускриптов, что вынужден был пропустить в изложении несколько десятилетий.

В приведённом мною выше отрывке о призвании варягов фразу «**И не бѣ в нихъ прѣвды**» Дмитрий Сергеевич переводит «**и не было среди них правды**», хотя слово «**правда**» в данном контексте означает «**справедливость; порядок, основанный на справедливости; правосудие**»⁴¹, и предложение переводится «**и не было у них справедливости**».

В предложении «**Вса зѣмла наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ**» в данном контексте слово «**наряд**» обозначает не «**порядок**» в широком смысле слова, как переводит Дмитрий Сергеевич, а «**государственное устройство, система управления**». Комментаторы переиздания перевода Д. С. Лихачёва 2012 г. защищают Дмитрия Сергеевича, объясняя: «При этом слова «порядка в ней нет» — это дань традиционному переводу. В Лавр. и Ипат. читается «наряда», то есть государственного устройства»⁴². Тут, мне кажется, требуется дополнительные примечания к комментарию. А что такое «дань традиционному переводу»? С каких пор делать неточные переводы стало в академической науке традицией? Ведь

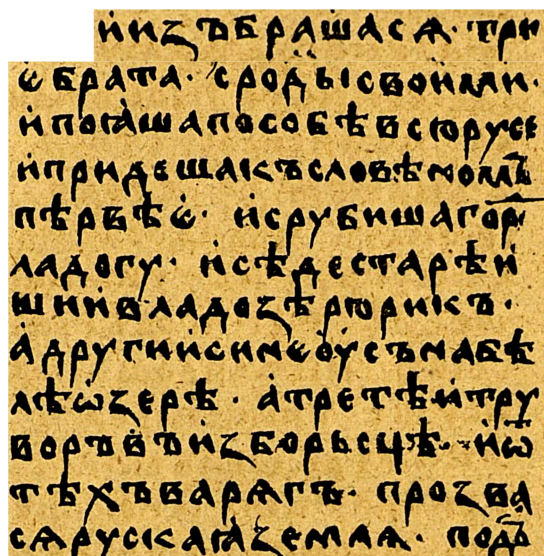
⁴¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / РАН. Ин-трус. яз.; Гл. ред. В. Б. Крысько. Том VII. М. 2004, с. 449.

⁴² Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб, Вита Нова, 2012. С. 246.

речь идёт о главном письменном источнике по древней истории нашей страны! Никому же не придёт в голову неточно перевести руководство по управлению самолётом и сослаться при этом на «дань традиционному переводу»!

Дмитрий Сергеевич вообще очень вольно относится к тексту подлинника, по своему усмотрению вставляя туда слова, которых там нет, и наоборот, выбрасывая слова из текста и заменяя их другими.

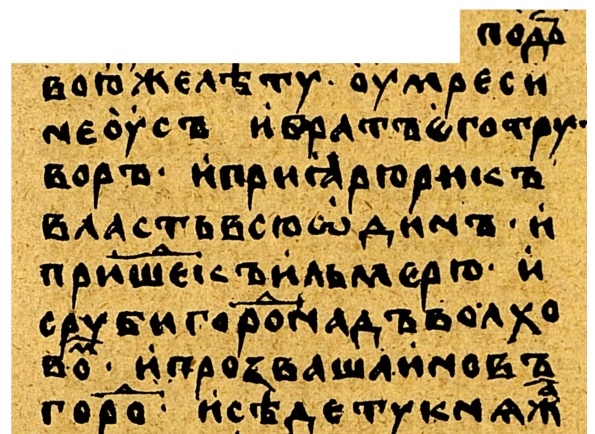
Согласно «переводу» Лихачёва, в подлиннике написано: «И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой - Синеус - на Белоозере, а третий - Трувор - в Изборске». На самом деле, **ни славян, ни Новгорода там нет**. Оригинальный текст выглядит так: «И избрались 3 брата с родами своими, взяв с собой всю русь, и пришли. Старейший Рюрик. А другой, Синеус – на Беле-озере, а третий - в Изборске, Трувор». Славян, как я уже говорил, Дмитрий Сергеевич во втором издании убрал. Откуда взялись эти славяне, догадаться нетрудно. Они в Лаврентьевскую летопись у Д. С. Лихачёва «случайно» перекочевали из другой, более поздних – Ипатьевской (ок. 1425 г.) и Радзивилловской летописей. Однако там местом первоначального княжения Рюрика называется не Новгород, а совершенно другой город – Ладога (рис. 4А). Согласно им же, Новгород был основан Рюриком только через 2 года после призвания (рис. 4Б).

Перевод:

И избрались три брата с родами своими, и взяли с собой всю русь, и **пришли к словенам сначала**. И срубили город Ладогу. **И сел старейший в Ладоге Рюрик**. А другой, Синеус, на Белеозере. А третий, Трувор, в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля...

Рис. 4А

Перевод:

Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял Рюрик власть всю один. И пришёл к Ильмерю, и срубил город над Волховом, и прозвал его Новгород. И сел тут княжить.

Рис. 4Б

Откуда же Д. С. Лихачёв взял фразу «и сел старший Рюрик в Новгороде»? В сноске о разночтениях он пишет: «Добавл[ено] из Т.»⁴³ Под Т. Дмитрий Сергеевич подразумевает Троицкий список или Троицкую летопись, оригинал которой сгорел во время пожара 1812 года в Москве, и она известна только в реконструкции М. Д. Присёлкова⁴⁴. Однако и в этой реконструкции не говорится, что Рюрик «сел в Новгороде». Вот цитата оттуда: «И избрашася 3 братеники с роды своими и пояша по собѣ всю Русь. И придоша старѣишии Рюрикъ, а другии Синеоусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии во Изборстѣи Триворѣ»⁴⁵. Н. М. Карамзин, который видел Троицкую летопись до того, как она сгорела, пишет следующее (1816 г.): «В Пушкин[ском] харатейном списке Нестора (так Карамзин называет Лаврентьевскую летопись по фамилии её владельца А. И. Мусина-Пушкина – В.В.): *придоша старѣишии Рюрикъ а другии Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третии (въ) Изборстѣи Триворѣ. Название места, где княжил Рюрик, пропущено; в Троицком (что достойно замечания) также*»⁴⁶.

Не взирая на эти свидетельства, Д. С. Лихачёв в пояснительной статье продолжает утверждать, что в Троицкой летописи есть сведения, что Рюрик пришёл княжить в Новгород, и в «доказательство» правильности своей вставки, утверждает, что «В Лаврентьевской летописи после слова „Рюрик“ оставлено незаполненное место»⁴⁷. Мол, именно это пустое место специально оставлено для слов «сел в Новгороде». Но если мы посмотрим на подлинник Лаврентьевской летописи (рисунок 5), то увидим, что никаких незаполненных мест после слова «Рюрик» там нет (слово «рюрикъ» я выделил светлым фоном).

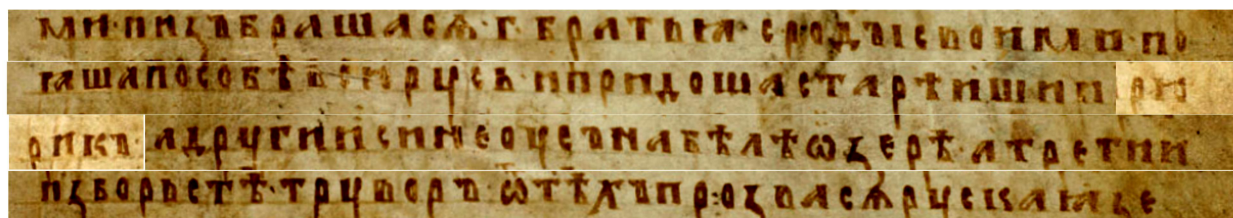

Рис. 5. Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 7

Перевод:

«...ми. И избрались 3 брата с родами своими, взяли с собой всю русь и пришли. Старейший, Рюрик, а другой – Синеус на Белозере, а третий – в Изборске, Тривор. От них прозвалась русская земля»

Слово «Рюрик» выделено светлым фоном

⁴³ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть первая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 184.

⁴⁴ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л.: Изд-во Академии наук, 1950.

⁴⁵ Там же, с. 58.

⁴⁶ Карамзин, Н. М. История Государства Российского. Т.I. : Печатано в Военной типографии Главного штаба Его императорского величества, СПб [1816]. — с. 370-371.

⁴⁷ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть вторая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950, с. 241.

Повесть временных лет уделяет большое внимание перечислению народов, расселившихся на территории Европы, и кто из них где «сидит».

В самом начале манускрипта летописец рассказывает о том, как трое сыновей Ноя – Сим, Иафет и Хам разделили между собой Землю. Иафету по жребии достаётся Европа и часть Азии. Затем летописец перечисляет народы, которые «сидят» в Иафетовой части:

«в Иафетовѣ же части сѣдять Русь . Чюдъ . и вси языци . Мера . Мурома Весь Мордва . Заволочская Чюдъ . Пермь Печера Ямь . Угра Литва . Зимѣгола Корсь . Сѣтьгола Любь Лахове же и Пруси Чюдъ пресѣдять к морю Варяжскому по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко востоку до предѣла Симова . по т[о]муже морю сѣдять къ западу до земли Английской и волошской . Иафетово бо и то колѣно Варязи Гвен . Оурмане [Готѣ] Русь . Англане Галичане . Волхва Римлане Немци . Корлази Вендици Фрагове и прочии...»⁴⁸

Д. С. Лихачёв переводит этот отрывок следующим образом: «В странах же Иафета сидят **русские, чудь и всякие народы**: мера, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близь моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу — до земли английской и волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманы, готы, русь, англѣ, галлы, волохи, римляне, немцы, корлази, венецианцы, генуезцы и прочие...»⁴⁹

Выделенная фраза (др.-рус. «Русь . Чюдъ . и вси языци») Д. С. Лихачёвым переведена некорректно. Дмитрий Сергеевич просто механически переводит этнонимы какими ему вздумается словами, абсолютно не понимая смысла переводимой фразы. Перевод этнонима «Русь» словом «русские» здесь совершенно неуместен, а слово «вси» уж никак не обозначает прилагательное «всякие». «Русь» здесь – самостоятельная этнополитическая группа, общность или племя, ещё не успевшая составить костяк древнерусской народности, обособленная от чуди и перечисленная вторично в группе варяжских народов. А слово «вси» переводится не как «всякие», а как «все в совокупности» – поимённо названные племена или народы («языци»), исчерпывающий список которых приводится летописцем. По смыслу гораздо ближе к истине перевод А. С. Клеванова (1871 г.): «В достоянии Иафета живут: Русь, Чудь и все её отрасли: Меря, Мурома, Весь, Мордва, Чудь, которая живет за Волоком, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва. Зимигола, Корсь, Сетьгола, Любь. А Поляки (Ляхи) и Прусаки Чудского племени живут на берегах Варяжского (Балтийского) моря. Вокруг этого же моря живут Варяги по направлению на Восток до границ владений Сима, а на Запад по тому же морю жилища их

⁴⁸ Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 2.

⁴⁹ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть первая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 206.

простираются до земли Англов и до Италии. К потомству Иафета принадлежат: Варяги, Шведы. Норвежцы, Русь, Англичане, Галичане (Галлы?), Волохи (Итальянцы), Римляне, Немцы, Карлози (Курляндцы?), Венды, Фряги и другие»⁵⁰.

Из перевода А. С. Клеванова, не смотря на некоторые устаревшие слова и выражения, во всяком случае, становится понятным, почему именно после этнонима «чудь» (**Чюдь**) летописец начинает перечислять финно-угорские и балтийские этнонимы. Он полагает, что чудь – это собирательное название финно-угорских и балтийских племён, а не название отдельного племени. Точно так же, как варяги (**Варази**) – собирательное название северогерманских народов, в. т. ч. англов, а волохи (**Волъхва**) романских. В категорию «немцы» (**Нѣмци**), по-видимому, входят те европейские народы, у которых летописец не может точно установить степень взаимного родства. То, что чудь – именно собирательное название финно-угорского этноса, косвенно доказывает и тот факт, что летописец, рассказывая на страницах своего труда, где «сидит» каждое отдельное финское племя, ни словом не упоминает, где именно поселилась чудь (если предположить, что это отдельное племя): «**Ѧ Бѣлѣѡзерѣ сѣдѣтъ Весь а на Ростовскомѣ ѡзерѣ Мѣра а на Клещинѣ ѡзерѣ Мѣра же . [а] А по Ѡцѣ рѣцѣ гдѣ потече в Волгѣ же. Мурѡма ѡзъкъ свои и Черемиси свои ѡзъкъ. Морѣдва свои ѡзъкъ**»⁵¹ («на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере – меря, а на Клещине озере – также меря. А по Оке реке, где она впадает в Волгу, мурома – народ отдельный, черемисы – отдельный народ, мордва – отдельный народ»). Место, где находится чудь, не указано потому, что чудь – это название указанных племён в совокупности.

Если «чудь» – собирательный этноним, становится понятным, почему в следующем отрывке чудь в списке стоит на первом месте: «**а се сѣтъ нини ѡзъци . иже дань дають Рѹси . Чюдь : Мѣра .Весь . Мурѡма . Черемись . Морѣдва . Пермь . Печѣра Ѥмь . Литва . Зимигѡла Корсь . Нѡрова . Либь . си сѣтъ свои ѡзъкъ . имѹще Ѡ колена Аѣтова иже жоѹтъ въ странахѣ полѹнощныхѣ**»⁵². Здесь напрашивается перевод с такими знаками препинания: «А это другие народы, которые дань дают руси. Чудь: меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, земигола, корсь, норова, либь. Они - отдельный народ, происходящие от колена Афетова, которые живут в странах северных».

Хочется сразу заметить, что Д. С. Лихачёв вслед за А. С. Клевановым переводит оба эти отрывка неверно. Я имею в виду не знаки препинания с выделением слова «чудь», а тот самый буквализм, о котором я уже говорил. Лихачёв даёт такой перевод: «на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере

⁵⁰ Клеванов А. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от её начала до половины XIV века. — М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1871. С. 2.

⁵¹ Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 4.

⁵² Там же, л. 4 об.

меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке - там, где она впадает в Волгу, - мурома, **говорящая на своем языке**, и черемисы, **говорящие на своем языке**, и мордва, **говорящая на своем языке**»⁵³; «**А вот другие народы**, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норова, ливонцы, — **эти говорят на своих языках**, они — потомство Иафета, живущее в северных странах»⁵⁴.

Почему-то в разных местах одно и то же слово **языкъ** (мн. ч. **языци**) Д. С. Лихачёв переводит совершенно разными по смыслу словами. Фраза «**а се сѹтъ нини языци**» у него переводится «**а вот другие народы**». А фраза «**си сѹтъ свои языкъ**» переводится «**эти говорят на своих языках**». Хотя конструкции предложений и слова, из которых они состоят, совершенно одинаковые. **Се** / **си** — подлежащее, выраженное в случае **се** — указательным местоимением «это», а в случае **си** — указательным местоимением «эти», выступающим в роли личного местоимения «они». **Сѹтъ** — простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом связкой «быть» мн. ч., настоящего времени, в современном русском языке не переводящееся или редко переводящееся глаголом «есть». **Языци** / **языкъ** - именная часть составного именного сказуемого, которая выражена существительным в именительном падеже. И в обоих случаях — это слово «**народы**»/«**народ**», этническая общность, разговаривающая на одном языке, но не сам язык. В словосочетании «**свои языкъ**» слово «**свои**» - не притяжательное местоимение, а прилагательное «**самостоятельный**», «**отдельный**».

В отличие от Д. С. Лихачёва и А. С. Клеванова, третий переводчик Лаврентьевской летописи — В. Панов (1936 г.) по смыслу правильно переводит эти отрывки: «на Белоозере сидит Весь, на Ростовском озере Меря, а на Клещине Озере - Меря же. А по реке Оке, где она впадает в Волгу, **отдельный народ** - Мурома, **отдельный народ** - Черемиса и **отдельный народ** - Мордва»; «**А вот другие народы**, которые дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печора, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Норома, Либь: **эти народы** от колена Афета, живущие в странах Севера»⁵⁵.

Таким образом, переводы Д. С. Лихачёва и А. С. Клеванова данного отрывка ошибочны.

Но вернёмся к этнониму «чудь». Согласно Лаврентьевской летописи, на княжение к себе варягов призвали три народа: чудь, словене и кривичи. Если согласиться с предположением А. С. Клеванова, что «чудь» - это у летописца собирательное название финно-угорских и балтийских племён, то становится понятным, почему в призвании варягов наряду с двумя славянскими племенами - словенами и кривичами, назван только один

⁵³ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть первая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950. С. 209.

⁵⁴ Там же, с. 209-210.

⁵⁵ Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова; Статьи В. Лебедева и В. Панова. — М.—Л.: Academia, 1936. С. 10.

финский народ – чудь. Под этим общим названием подразумеваются и другие финские племена. О том, на какие ещё народы распространялась власть Рюрика, Синеуса и Трувора, летописец рассказывает в той же статье о призвании варягов:

«по двѣ же лѣтѣ . Синеоусъ оумре . а братъ его Труворъ . и приа власть Рюрикъ . и раздаа мужемъ своимъ градъ . швомѹ Полотескъ швомѹ Ростовъ другомѹ Бѣлоозеро . и по тѣмъ городомъ сѹть находѣнцы Варази а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне . [въ] Полотьски Кривичи . в Ростовѣ Мера в Бѣлѣозерѣ Весь . в Муромѣ Муромъ . и тѣми всѣми овладаше Рюрикъ».⁵⁶ – «Через два года Синеус умер и брат его Трувор, и принял власть Рюрик. И раздавал мужам своим города: тому – Полоцк, этому – Ростов, другому - Белоозеро. И по тем городам варяги - **пришельцы**, а **коренное население** в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и теми всеми владел Рюрик».

Вскользь хочу заметить, что Д. С. Лихачёв, как всегда, не утруждает себя переводом слова «находѣнцы» (др.-рус. «**пришельцы**», «чужаки»), а просто печатает транскрипцию: «**находники**». Видимо, чтобы не владеющий древнерусским языком читатель сам догадался, что это значит. Точно так же в своём переводе В. Панов (1936 г.) характеристику «перьвии насельници» (др.-рус. «те, кто основал и населяет город», в двух словах: «**коренное население**», а не «первые поселенцы») передаёт дословно «**первые населенцы**», что выглядит не совсем грамотно.

5. ЭТНОНИМ «ВЕСЬ».

ПРИМЕР МНОГОКРАТНОГО ИСКАЖЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА

Согласно большинству летописей, Рюрик умер в 6387 (879) году. Перед смертью свою власть и малолетнего сына Игоря он вручил своему родственнику Олегу. По Лаврентьевской летописи, через 2 года, **в 6389 (881) году** Олег предпринял поход из Новгорода на юг, овладел Смоленском, Любечем и взял Киев, сделав его своей столицей – «матерью городов русских» (рис. 6). У Д. С. Лихачёва снова дата другая, не соответствующая Лаврентьевской летописи: **6390 (882) год**.

⁵⁶ Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 7 – 7 об.

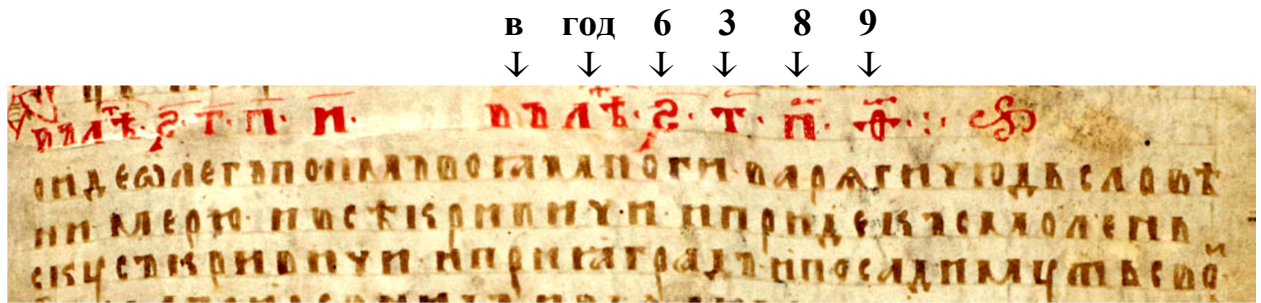

Рис. 6. Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 8

въ лѣ . ѿ . т . п . ѿ .
‡

оиде Шлегъ по имъ вою многи вараги чюдъ словѣ
ни мерю и всѣ кривичи и приде къ смоленъ
ску съ кривичи и приа градъ и посади мужъ сво

Обратим внимание, из каких племён состоит войско Олега: «В год 6389. [П]ошёл Олег, а с ним многочисленные войска: варяги, чудь, словене, меря и все кривичи, и пришёл к Смоленску с кривичами и принял город, и посадил мужей своих» и т. д. Выделенные мною слова «и все кривичи» встречаются в летописи не первый раз. В статье под 6367 (859) годом, ещё до призвания Рюрика, есть строки (рис. 7), которые переводятся так: «В год 6367. Получали дань варяги из заморья со словен, с мери и со всех кривичей».

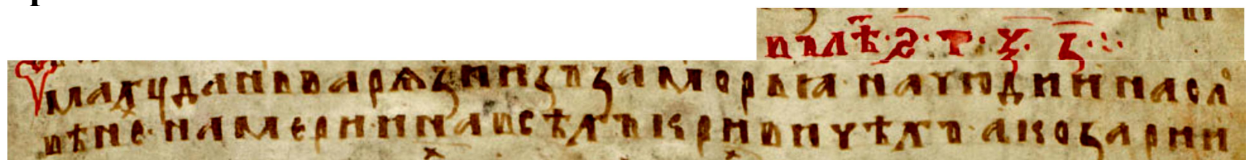

Рис. 7. Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 7

въ лѣ . ѿ . т . ѿ . ѿ .
‡

[и]маху дань Варази изъ заморья . на Чюди и на Гл
овѣне . на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ . а Козари и...

Что означает словосочетание «все кривичи»? Ответ на это даётся в недатированной части Лаврентьевской летописи, где рассказывается о расселении славян: «сѣли сѣть Гловѣни по Дѹнаевѣ . гдѣ есть нѣне Оугорьска земля . и Болгарьска ѿ тѣхъ Гловѣнъ разидошася по землѣ . и прозвашася имены своими . гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»⁵⁷ ... «Гловѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Полане . а друзни Древлане зане сѣдоша в лѣсѣ . а друзни сѣдоша межю Припетью и Двиною . и нарекошася Дреговичи [инни сѣдоша на Двинѣ и нарекоша Полочане] рѣчки ради нже втечетъ въ Двинѹ . иманемъ Полота . ѿ сѣа прозвашася Полочане»⁵⁸. «...ѿ нихъ же

⁵⁷ Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.n.IV.2), л. 1 об.

⁵⁸ Там же.

Кривичи же сѣдѣть на верхѣ Волги . а на верхѣ Двинѣ и на верхѣ Днѣпра .
и хже градъ есть Смоленскъ»⁵⁹.

«...сели славяне по Дунаю, где теперь Угорская земля и Болгарская. От тех славян (они) разошлись по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте». «Славяне, пришедшие и севшие по Днепру, назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину, именем Полота». «От них [произошли] **кривичи, которые сидят в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск**».

Таким образом, мы узнаём, что кривичи разделились на три части, которые расселились на значительной территории - в верховьях Волги, в верховьях Двины и в верховьях Днепра. Эти три части в совокупности летописец и называет словосочетанием «**все кривичи**».

В статье под 6367 (859-ым) годом Д. С. Лихачёв делает правильный перевод отрывка: «Варяги из заморья взи́мали дань с чуди и со славян, и с мери, и с **всех кривичей**»⁶⁰. Это довольно редкий случай в отечественной историографии, так как начиная со 2-ой половины XIX века учёные начинают заниматься откровенной фальсификацией оригиналов летописных памятников, заменяя в публикациях «оригинала» слово «**все**» в словосочетании «**все кривичи**» и в других местах, где перечисляются племена и народы, на название финского племени «**весь**».

Напомню, что племя «**весь**» летописец относит к чуди, то есть финно-угорским и балтийским племенам, а местом её расселения называет Белоозеро. В летописях «**весь**» пишется всегда через букву «ѣ» (**Вѣсь**) и только в этой форме единственного числа именительного падежа. В датированной части ПВЛ она есть только в Ипатьевской летописи в статье о походе Олега на Киев. По характеру написания, складывается впечатление, что летописец сначала хотел написать «**всѣ кривичи**», но почему-то передумал и, вместо того, чтобы поставить поперечную гарду на букве **ѣ** в местоимении «**всѣ**», сверху подписал букву **ѣ**, чтобы получился этноним «**весь**» (рис. 8).

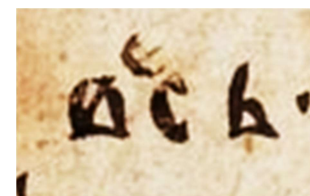
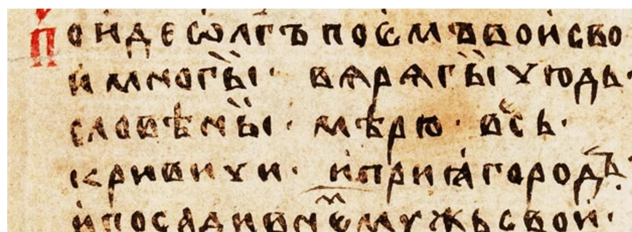

Рис. 8. Ипатьевская летопись. Библиотека РАН. Шифр хранения НИОР 16.4.4., л. 9 об.

Слово «**весь**» написано с выносной буквой: **ѣ**сѣ

⁵⁹ Там же, л. 4.

⁶⁰ Повесть временных лет. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть первая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950, с. 214.

В Лаврентьевской и Радзивилловской летописях этноним «весь» в датированной части не упоминается.

Тем не менее, публикуя текст Лаврентьевской летописи во 2-ом и 3-ем изданиях I тома тома ПСРЛ (1872 и 1897 гг.) главный редактор издания А. Ф. Бычков в статье под 6367 (859) годом пытается превратить местоимение «всѣхъ» (всех) в этноним «Весь» в несуществующей форме предложного падежа «Всѣхъ». Во-первых, он печатает это слово с прописной буквы, как было принято писать в XVIII и XIX веках имена собственные, в том числе названия племен и народов. А во-вторых, он вставляет в предложение слова (в данном случае «и на»), которых в подлиннике нет, а также знаки препинания, чтобы отделить местоимение «всѣхъ» от существительного «кривичѣхъ» (рис. 8а).

859 **(**)** Въ лѣто 6367. Имаху(***) дань Варязи изъ² заморья на³
Чюди и⁴ на Словѣнхъ, на Мери⁵ и на Всѣхъ, [и на] Кривичѣхъ;

Рис. 8а. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб, 1897. С. 18.

То же самое А.Ф. Бычков проделывает в статьях о призвании варягов (рис. 9) и о походе Олега на Киев (рис. 10), вдобавок изменив даты призвания варягов с 6369 (861) на 6370 (862), а похода Олега с 6389 (881) на 6390 (882) годы.

861 Въ лѣто 6369.

862 [Въ лѣто 6370](†). Изгнаша¹⁰ Варяги за море¹¹, и не даша¹² имъ
дани, и¹³ почаша сами в¹⁴ собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды,
и вѣста¹⁵ родъ на родъ, [и](††) быша в нихъ усобицѣ, и¹⁶ воевати
почаша(†††) сами на ся. [и](*) рѣша сами в¹⁴ себѣ: «поищемъ собѣ
«князя, иже бы володѣл¹⁷ нами и судил¹⁸ по праву». [и](††) идо-
ша⁽⁶⁾ за море къ Варягомъ, к Руси. сие бо тѣ звахуся⁽⁸⁾ Варязи
Русь(*), яко се¹ друзии зовутся Свие(**), друзии же² Урмане³, **862**
Англыне⁴, друзии Гѣте⁵, тако и си. Рѣша Руси(***) Чюдь, [и](†)
Словѣни, и⁶ Кривичи [и](††) Все(†††): «земля наша велика и обилна, .

Рис. 9. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. СПб, 1872. С. 18 - 19.

В квадратных скобках добавлен год [Въ лѣто 6370],

в нижней строке добавлен союз [и], местоимение «всѣхъ» заменено псевдо-этнонимом «Все».

Для сравнения оригинал – на рис. 3

881 Въ лѣто 6389.

882 [Въ лѣто 6390](†). Поиде(††) Олегъ, поимъ⁷ воя многи, Варяги,
Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь(†††), Кривичи, и приде къ Смоленъ-

Рис. 10. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. СПб, 1872. С. 22.

В квадратных скобках добавлен год [Въ лѣто 6390],

местоимение «всѣхъ» заменено этнонимом «Весь».

Для сравнения оригинал – на рис. 6

Таким образом, употребляющийся только в единственном числе этноним «весь» у А. Ф. Бычкова приобретает множественное число «Вси» и форму предложного падежа во множественном числе «Всѣхъ». Причём текст выдаётся за летопись по Лаврентьевскому списку.

Лаврентьевская летопись издавалась до А. Ф. Бычкова дважды. Впервые она была напечатана в 1824 году Р. Ф. Тимковским. Статья о призвании варягов там вполне соответствует подлиннику:

«Идоша за море къ Варягомъ к Руси; сице бо ся зваху ты Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое, друзии же Оурмане, Аньгляне, друзии Гъте; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни, и Кривичи: **вся земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами**»⁶¹.

Первая публикация с выделением прямой речи в кавычки состоялась в I томе Полного Собрания русских летописей в 1846 году (рис. 11).

Идоша за море къ Варягомъ къ Руси. сице бо ся зваху ты Варязи^ш Русь^щ, яко се друзии зовутся Свое^ъ, друзии же Урмане^ь, Аньгляне^ь, друзии Гъте^ѣ; тако и си. Рѣша Руси^ъ Чюдь^ю, Словѣни и Кривичи «вся^я земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами^о».

Рис. 11. ПСРЛ, т. I. СПб, 1846, с. 8.

Как мы видим, никакого племени «весь» в сомнительной форме «Вси» в тексте нет. Там находится определительное местоимение «вся», которое относится к существительному «земля». Между словами «кривичи» и «вся» союз «и» отсутствует.

Теперь обратимся ко второй по древности летописной рукописи – Ипатьевской (ок. 1425 г.). Переписчик Ипатьевской летописи был довольно небрежен, в ней много помарок, исправлений, выносных букв и лишних союзов «и». Она отличается от Лаврентьевской некоторыми датировками и описанием отдельных событий. Но участники призвания варягов там те же, что и в Лаврентьевской – чудь, словене и кривичи. Весь среди них отсутствует (рис. 12).

⁶¹ Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание проф. Тимковского при общ. Истории и древностей Российских. М., 1824. С. 12.

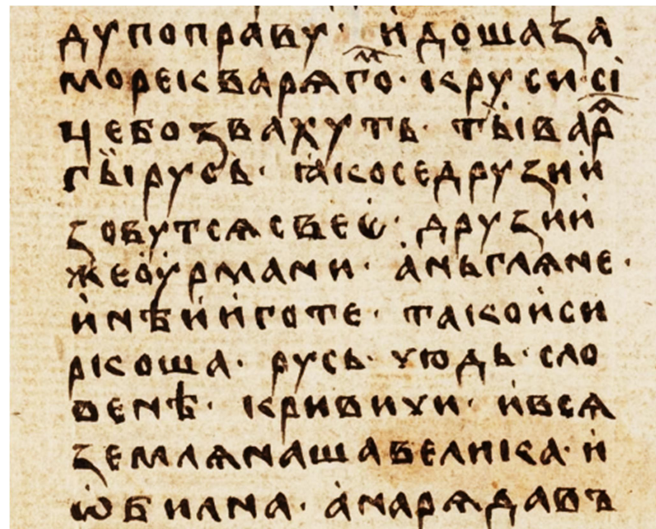

Рис. 12. Ипатьевская летопись. Библиотека РАН. Шифр хранения НИОР 16.4.4. Л. 8 об.

Перевод:

«... пошли за море в варягам, к руси. Ибо так зовут тех варягов – русь. Как другие называются свеи, другие же урмани, англы (англичане), иные – готы, так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи: «И вся земля наша велика и обильна, а управления ...»

Однако в издании «Летопись по Ипатскому списку» Археографической комиссии 1871 года под ред. С. Н. Палаузова здесь тоже появляется весь в анекдотичной форме «Всь» (рис. 13).

праву». Идоша за море к Варягомъ к Руси,— сіце бо звачуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмани³, Аныглане, пнии^(**) Готе⁴,— тако и си. Ркоша Русь Чюдъ, Словенѣ, Кривичи и Всь^(***): «земля наша велика и обпна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидете княжить и во-

Рис. 13. Летопись по Ипатскому списку. Изд. Археографич. Комиссии, СПб, 1871. С. 11.

В Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи (конец XV века) среди племён, призвавших варягов, весь отсутствует (рис. 14).

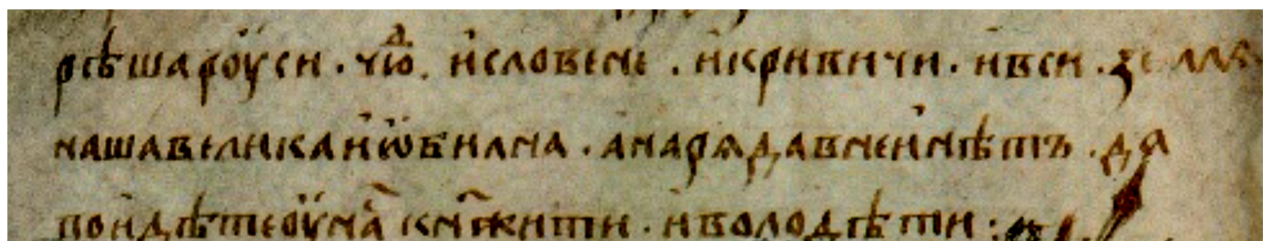

Рис. 14. Кенигсбергская (Радзивилловская) летопись. БАН, 34.5.30, л. ѳ (9)

С разбивкой на слова, пунктуацией и выделением прямой речи этот отрывок выглядит так: «Рѣша роуси чюѡ, и словене, и кривичи, и вси: «Земла наша велика и шьнна, а нарада в неи нѣтъ. Да поидѣте оу на кнѣжити и володѣти...» Переводится этот отрывок следующим образом: «Сказали руси чудь, и словене, и кривичи, и все в совокупности: «Земля

наша велика и обильна, а управления у нас нет. Придите, возьмите власть и управляйте нами».

Ещё в 1767 г. И. И. Тауберт и И. С. Барков опубликовали Радзивилловскую летопись гражданским шрифтом, переделав оригинал в систему орфографии середины XVIII века, выкинули архаичные буквы, разбили текст на предложения и слова, заключили прямую речь в кавычки и поставили знаки препинания⁶² (рис. 15):

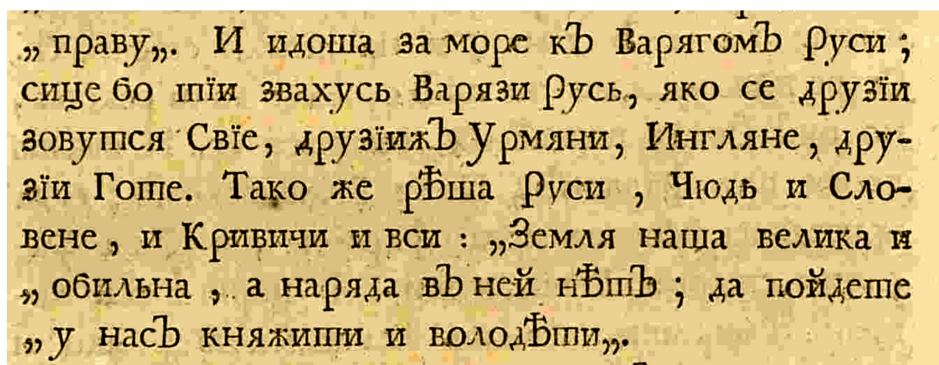

Рис. 15. Летопись Нестора с продолжателями по Кенигсбергскому списку, с. 16

Но им не пришло в голову определительное местоимение «**вси**» перевести, как название племени **весь**. Как видно на рисунке 15, названия народов (Словене, Кривичи и т. д.) Тауберт и Барков пишут с прописной буквы, а слово «**вси**» - строчными.

С местоимением «**вси**» в переводе Д. С. Лихачёва мы уже сталкивались, когда рассматривали перевод фразы «**Р҃҃сь . Ч҃҃юдь . и вси ѡ҃҃зѣици**». Тогда, как мы помним, он переводил его словом «**всякие**». В своём издании «Повести временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 года» в статье о призвании варягов Дмитрий Сергеевич, хоть и убеждает нас в Предисловии, что у него «не „сводный текст“ „по всем спискам“ и не гипотетическая реконструкция первоначального текста, а реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст», на самом деле подменяет оригинальный текст на фрагмент именно из Радзивилловской летописи: «**Рѣша роуси чюдь, словѣни, и кривичи и вси**; „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами“» (Рис. 14). Но ещё большее недоумение вызывает перевод этих двух предложений: «Сказали руси чудь, славяне, кривичи **и весь**: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“». Местоимение «**вси**», которое он сам же переводил словом «**всякие**», чудесным образом превращается в **племя весь**!

Самое непонятное во всех этих искажениях и перекраиваниях древних текстов – это мотив. Зачем академическим учёным, да ещё такого высокого уровня, заниматься мелкими подтасовками? Какой, например, смысл упорно

⁶² Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года // Библиотека российской исторической, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времён. СПб, 1767.

вставлять в летописи этноним «весь», которого там нет, и упорно доказывать, что летописец именно это и имел в виду? Делается это настолько навязчиво, что невозможно оправдать эти умышленные действия «добросовестными заблуждениями».

Ответ может крыться в ошибке, допущенной исследователями летописных сводов, который тянется ещё с XVIII века, когда историческая наука находилась в нашей стране ещё в самом зачатке. Вот как прокомментировал данное «добросовестное заблуждение» М. Д. Присёлков (посмерт. изд., 1950). Занимаясь реконструкцией сгоревшей Троицкой летописи, он по крупницам собирал цитаты из неё, оставленные исследователями, которые изучали её до пожара 1812 года. Комментируя восстановленный им отрывок из Троицкого списка о призвании варягов («Рѣша Русь, Чюдь, Словѣнѣ, Кривичи и вся») по поводу фразы «и вся» он пишет следующее:

«Миллер почему-то исправил в печатном К[енигсбергском списке] **вси** на **весья**. Так же осмыслял **вси** (Р[адзивилловский список]) и **вся** (Л[аврентьевский] и Т[роицкий список]), *Карамзин* (т. I, прим. 230) *пишет*: древний летописец именует только Кривичей, Славян или Новгородцев, Чюдь и Весь, которые хотели князей»⁶³.

Можно предположить, что именно благодаря недостаточной компетентности «динозавров российской истории» Г. Ф. Миллера и Н. М. Карамзина это «добросовестное заблуждение» внедрилось в отечественную историографию.

Правда, в «добросовестности» данного заблуждения всё-таки возникают сомнения. До издания Ипатьевской летописи С. Н. Палаузовым в 1871 г. и 2-го издания Лаврентьевской летописи А. С. Барковым в 1872-ом никто данной «ошибки» не повторял. Кроме того, существует прямое «предложение» академика А. А. Шахматова (1916 г.) в определённых летописных статьях вместо местоимений «вси», «всѣхъ» и т.д. ставить этноним «весь» в странной и вообще нигде не употреблявшейся форме именительного падежа «**Вьсь**». Вот какие рекомендации он даёт:

«Поправки, которые необходимо внести в Текст.

Вместо „вси языци“, которое не дает смысла, Миклошичем было предложено „си языци“; но и это не объяснило бы, почему „Чюдь“ не включена в перечень языков. **Вместо „вси языци“ предлагаю Вьсь**. Итак: Въ Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь, **Вьсь**, Меря, Мурома, Мърдва и т. д. Ср. в Л[аврентьевской] и др. под 6367 (19, 1) вм. и на Мери и на **Вьси** и на Кривичихъ - на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; под 6370 (19, 14) вм. рѣша Руси Чюдь, Словѣне, Кривичи и **Вьсь** - рѣша Руси (въ Л[аврентьевской] Русь) Чюдь, Словѣни и Кривичи **вси** (въ Л[аврентьевской] **вся**, в Т[роицкой] и **вся**). Ср. 10, 17: А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, **Вьсь**, Мурома, Черемись, Мърдва и т. д.

⁶³ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л.: Изд-во Академии наук, 1950. С. 58.

Итак 3, 10 **исправьте вместо и вси языци - Вьсь**, 3, И: опустите Вьсь. Соотв. оговорки должны быть внесены въ подстр[очные] прим[ечания]»⁶⁴.

Разразившаяся в 1917 году революция и полная смена приоритетов в исторической науке прервала эти лишённые здравого смысла филологические эксперименты, и одиозная **Вьсь** так и не успела получить широкого распространения. Только в 1950 году Д. С. Лихачёв, как мы видим, вернулся к экспериментированию с летописными текстами.

6. ПРИМЕРЫ НЕДОСТАТОЧНОЙ ПРЕДМЕТНОЙ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Для правильного перевода летописных текстов необходимо не только хорошее знание языка. Для этого нужен целый набор знаний. И не только знания истории, агиографии и связанных наук, но и знаний в области экономических, религиозных, международных, политических и других отношений в Средние Века и понимать психологию людей Средневековья. Необходимо хорошо ориентироваться в правовой системе средневекового общества и понимать значение юридических терминов. Иными словами, переводчик летописей должен обладать всем комплексом знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности. К сожалению, ничего подобного в опубликованных переводах не наблюдается.

6.1. «По бѣлѣи вѣверицѣ от дыма»

Возьмём, например, знакомую нам статью ПВЛ под 6367 (859) годом. Обратимся к исходному тексту в транскрипции Д. С. Лихачёва (1950 г.):

«859 Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнѣх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху **по бѣлѣи и вѣверицѣ от дыма**»⁶⁵.

Переводит Дмитрий Сергеевич эту статью следующим образом:

«859 В год 6367. Варяги из заморья взимали дань с чуди и со славян, и с мери, и с всех кривичей, а хозары брали с полян и с северян, и с вятичей, — брали **по серебряной монете и по белке от дыма**»⁶⁶.

В. Панов (1936 г.) затрудняется с переводом «белой веверицы»: «В лето 6367. Брали дань Варяги, приходя из-за моря, на Чуди, на Словенах, на Мере, на Веси и на Кривичах; а Козары брали дань на Полянах, на Севере и на

⁶⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Изд. Имп. Археогр. комиссии. Петроград, 1916. С. 395.

⁶⁵ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть первая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950, с. 18.

⁶⁶ Там же, с. 214.

Вятчах: брали по «белой веверице» с дыма»⁶⁷. В комментариях он всё-таки поясняет, что веверица – это беличья шкурка⁶⁸.

У А. С. Клеванова (1871 г.) перевод тоже туманный: «Варяги, пришедшие из-за моря, брали дань с Чуди, Словен, Мери всех Кривичей; а Козары брали дань с Полян, Северян, Вятчей - по шкуре белки и веверицы с каждого дома»⁶⁹.

Прежде всего разберёмся, что значит «от дыма». Д. С. Лихачёв полагает, что «„От дыма” означает „от каждой семьи”»⁷⁰. Самая, пожалуй, неосновательная трактовка. Из неё не понятно, что подразумевается под понятием «семья». Перевод А. С. Клеванова «с каждого дома» уже ближе к истине. На самом деле под «дымом» здесь подразумевается отдельное хозяйство, способное приносить доход. Через 800 лет, в 1678-1679 гг. подобная система обложения сельского населения была в России введена повсеместно, получив название «подворного обложения» (от слова «двор» вместо «дым»).

Гораздо сложнее разобраться в том, что означает «по бѣлѣи вѣверицѣ». Трудности с интерпретацией и переводом этих слов возникли у исследователей с самого начала изучения летописных текстов. В XVIII веке, когда это изучение началось, слово «веверица» (вѣверица) исследователям было, по всей вероятности, не знакомо. Например, в посмертном 1-ом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева (кн. 2, 1773 г.), подготовленном Г. Ф. Миллером, слово «вѣверица» напечатано в форме «северица», а «бѣлая» или «бѣла» переделана в «бѣлку» (рис. 16).

Въ лѣто 6368. 860. Варяги брали дань отъ русси,
Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичъ, а Козары, яко рехъ,
брали отъ Полянъ, Сѣверы, Вятчи и прочихъ по бѣлкѣ
отъ дыма и по северигѣ [ласка или горностай].

Рис. 16. Татищев В. Н. История Российская. Кн. 2. Изд. Имп. Моск. университета. 1773. С. 10.

Сам Г. Ф. Миллер данную фразу трактовал «по вѣдагѣ и по вѣверици», но над «вѣдагѣ» поставил звёздочку, а на поле пояснил: «Сие слово неясно». Карамзин (т. I, прим. 89) отметил: «В Пушкин[ском] и печатном Никонов[ском]: “по бѣлѣи вѣверицѣ”, в Троиц[ком]: “по бѣлѣ и по вѣверицѣ”. В прим. 300 того же I тома Карамзин вернулся к этому в такой фразе: «Сначала сказал летописец, что Козары обложили их только

⁶⁷ Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова; Статьи В. Лебедева и В. Панова. — М.—Л.: Academia, 1936. С. 13.

⁶⁸ Там же, с. 322.

⁶⁹ Клеванов А. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от её начала до половины XIV века. — М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1871. С. 9.

⁷⁰ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть вторая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950, с. 233 – 234.

вѣверицами»⁷¹. Из-за данных противоречий М. Д. Присёлков не смог восстановить это место в Троицкой летописи.

Одним словом, Г. Ф. Миллер и Н. М. Карамзин, исправлениями текста и субъективными трактовками содержания в традициях XVIII века, только внесли путаницу, ни на шаг не приблизившись к ответу на вопрос, чем же являются экономические единицы (единица), в которых или в которой измерялся размер дани? Своими изысканиями они привели к ситуации, в которой возникло сразу несколько дополнительных вопросов. 1) Как правильно читать: «по белой веверице» или «по беле и веверице»? Если учесть, что в летописях, как правило, слова писались без пробелов, над буквой «й» не ставилась кратка ̣, а прилагательное «белая» в предложном падеже («белой») писалось «бѣлѣи», - теоретически может быть правильным любой из этих вариантов. 2) Если правильным прочтением является существительное «бѣла», то что оно означает? 3) Что такое «вѣверица»?

Прочитаем, что по этому поводу писал Д. С. Лихачёв: *«по бѣлѣи и вѣверицѣ от дыма*. Весьма важен вопрос о том, как правильнее читать это место. Можно читать его так: «по белей веверице» и тогда значение его будет такое - «по белой (т. е. по серой, зимней) белке». Меха белки ценятся только зимний, как наиболее прочный. В современном русском языке определение-прилагательное «белая» в конце концов вытеснило существительное «веверица» и само приняло суффикс существительного — «белка». В подтверждение этому пониманию текста «Повести временных лет» можно привести следующее место из Лаврентьевской летописи под 1068 г.: «кунами и белью», в Ипатьевской же это место понято так: «кунами и скорою» (т. е. мехами), что свидетельствует о том, что в древней Руси слово «бель» понималось иногда как «беличий мех». Однако можно читать это место и так: „по беле и веверице”, что может означать: „по беле (по белой, серебряной монете) и белке”. Такое толкование было впервые предложено еще в первой половине XIX в. и развито акад. Б. Д. Грековым. (...) В нашем переводе принимаем точку зрения Б. Д. Грекова».

В комментариях к переизданию перевода ПВЛ Д. С. Лихачёва 2012 г. коллектив авторов высказывает другую точку зрения: «Более убедительной представляется точка зрения, что текст надо читать слитно («по бѣлѣи вѣверице»), поскольку термин «бѣла» как денежная единица возникает не ранее последней трети XIII в. Если же считать, что «бѣлой» в летописи названа не монета, а шкурка белки, то возникает неоправданный смысловой повтор («вѣверица» — это та же самая белка)»⁷².

Правильное чтение, конечно, «по белой веверице». Но совсем по другим причинам. **Построение сложной конструкции, включающей две единицы подымного обложения: «белу» и «веверицу» - совершенно искусственное.**

⁷¹ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л.: Изд-во Академии наук, 1950. С. 57, прим. 4.

⁷² Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб, Вита Нова, 2012. С. 241.

6.2. Значение слова «веверица»

Здесь мы сталкиваемся даже не такой ошибкой перевода, как буквализм, когда при переводе вместо подходящего для данного случая значения слова используется главное или самое известное значение, а с откровенными домыслами. Совершенно непонятно, как из контекста «брали дань по белой веверице от дыма» следует, что веверица – это беличья шкурка? Причём этот перевод настолько въелся в нашу научную литературу, что считается аксиомой, не требующей никаких доказательств. Давайте посмотрим, в каком значении слово «веверица» употребляется в средневековой литературе, и есть ли там хотя бы какой-нибудь намёк на белку.

1) *Неизвестный зверёк.*

Ипатьевская летопись, 6622 (1114) г.:

«Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спадє туча, и в той тучи спадє вѣверица млада, акы топерво рожена, и вѣзрастьши, и расходитса по зємли, и пакы бываєть другаа туча, и спадають оленци мали в нѣи, и вѣзрастають и расходатса по зємли»⁷³.

Перевод: «Это не удивительно; живы еще старики, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах: спустится туча, и из той тучи падает **веверица** молоденькая, будто только родившаяся, и, выросши, расходитса по земле. А в другой раз бывает другая туча, и из неё выпадают олени малые и вырастают, и расходятса по земле».

В 1-ом издании толкового словаря Даля (1863 г.) даётся именно такое толкование «веверицы»: «**Веверица** (через две «е» - В. В.) *ж. стар., неизвестный зверок* (Viverra?). Вероятно, ласка или горностай; но некоторые ученые некстати придали суркам название вевериц, как родовое»⁷⁴.

Из этой статьи становится понятным (по словам «ласка или горностай» и по написанию «веверица» через две «е»), что В. И. Даль нашёл это устаревшее слово в отрывке из «Истории» Татищева, который я разместил на рис. 16. До этого оно ему было явно незнакомо. С сурками он путает животных под названием циветы или виверры (лат. Viverrae), семейство которых по латыни называется почти созвучно с веверицей – Viverridae, но никакого отношения к «веверице» не имеет.

От веверицы происходит существительное «**веверичина**» - мясо веверицы. В «Вопрошании Кирика» с ответами новгородского епископа Нифонта (1130-1156 гг.) это слово употребляется, когда епископ отвечает на

⁷³ Ипатьевская летопись. Библиотека РАН. Шифр хранения НИОР 16.4.4, л. 104.

⁷⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 1. Изд. Об-ва любителей русск. словесности при Моск. университете. М., тип. А. Семена, 1863. С. 154.

вопрос, какие духовные наказания следует налагать за питание запрещённым к употреблению мясом (№ 89)⁷⁵:

«А смердъ дѣла помолвихъ, иже по селам живут, а покаются оу нас, оже-то друзгии ѹдат вѣверициноу и ино. — Злє, рече, вѣ злє ѹсти давлѣнина; аще бѣша и вѣверициноу ѹли, или ино недавлено, нѣтоу бѣды, вѣлыми лѣжаю»⁷⁶.

«А (какое наказание накладывать) на смердов, - спросил (Кирик), - которые по сѣлам живут, и каются нам, что кое-кто ест **веверицину** и подобное?» — «Неправедно, - отвечает (епископ), - нечестиво есть давленину (мясо удушенных животных — В. В.). А если они веверицину ели или подобное (мясо), но не удушенных (животных), нету греха, они совсем не заслуживают осуждения»».

2) Мех какого-то зверька, или шкурка с мехом.

Ипатьевская летопись, 6579 (1071) год. Текст в транскрипции О. В. Творогова:

«Бывши бо единоу скудости вѣ Ростовѣстѣй области, и вѣста два волхѣа от Ярославѣа, глаголюща, яко «Вѣ свѣмы, кто обилѣе держить». И поидоста по Волзѣ, и кдѣ придучи в погостъ, ту же нарекаста лучѣшия жены, глаголюща, яко «Си жито держать, а сии — медъ, а сии рыбы, а сии скору. И привожаху к нима сестры своя, и матери и жены своя. Она же вѣ мѣчѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбы, или **вѣверицу**, и убиваша <...> многы жены, имѣния ихъ имаша собѣ»⁷⁷.

Перевод: «Был необычайный голод в Ростовской области, и явились два волхва из Ярославля, говоря: «Мы оба знаем, кто запасы прячет». И отправились они по Волге, и в какое село ни придут, тут же называли знатных женщин, говоря, что та хлеб прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним двоим сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо хлеб, либо рыб, либо **веверицу**, и убивали многих женщин, а имущество их забирали себе».

Здесь «веверицу» О. В. Творогов переводит, как шкурку с мехом, так как выше при перечислении продуктов и товаров, которые, по словам волхвов, прячут женщины, названы меха («скора»). Это, пожалуй, **единственное место в средневековой летописной литературе, в котором веверицу можно косвенно идентифицировать как шкурку с мехом. Но из**

⁷⁵ Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права / [Ред. А.С. Павлов]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Тип. М.А. Александрова, 1908. / Ч. 1. (Памятники XI-XV в.). - 1908. - 1466 с. и стб. разд. паг. (Русская историческая библиотека, изданная Императорской Археографической комиссией Т. 6). - С. 48.

⁷⁶ Новгородская (Климентовская) Кормчая книга. 1282 г. ГИМ 80370/750. Инв. № Син. 132. Л. 531б. Также: Въпрашание Кюриково // Калайдович, К. Памятники российской словесности XII века / изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков. — Москва : в типографии Семена Селивановского, 1821. — с. 191.

⁷⁷ Творогов О. В. Повесть временных лет / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, «Наука», 1997. С. 214.

этого контекста никак не следует, что это шкурка именно белки, и почему О. В. Творогов переводит «веверицу» словом «белка», непонятно.

3). Деньги вообще

Самым распространённым значением слова «веверицы» во множественном числе (вѣверицѣ, вѣверицѣ, вѣверицѣ) являлось «деньги».

В берестяных грамотах нач. XI – серед. XV вв. это слово встречается **только в таком значении** (в качестве названий конкретных денежных единиц употребляются слова **вѣкъша, рѣзана, куна, ногата, гривна** и др.). Берестяные грамоты являются самым аутентичным письменным источником по истории общества средневековой Руси и повседневной жизни людей, так как представляют собой личную и деловую переписку, долговые расписки, заказы на приобретение товаров, записки с вызовом в суд и т. д. «Веверицы» как общее название денег - лексическая черта древнейшего периода раннего древнерусского языка⁷⁸.

Приведу для примера несколько грамот.

Грамота № 246 (стратигр. до сер. 50-х гг. XI в., происхождение – Смоленск, Полоцк или Витебск).

«Ѡ жировита къ стоянови како ту оу мене и чьстьное дрѣво вѣзъмъ и **веверицѣ** ми не присълеци то деватое лето а не присълещими полоу паты гривны а хоцоу ти вѣроути вѣ та лоуцшаго новѣгороджанина посъли же добръмъ».

Перевод: «От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте (или: взял крест) **и не присылаешь мне денег (и веверицѣ ми не присълеци)**, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром»⁷⁹.

Грамота № 1002. Новгород, 1120-е –1150-е гг. Транскрипция А. А. Зализняка с разбивкой на слова:

«...на чѣлади **вѣверицѣ** не платиле 5 на дѣсате гривно. А нынѣково али по коунѣ на нѣдѣлоу. А ныны ...»

Перевод: «За челядь он **не заплатил денег** пятнадцать гривен. А теперь взяли по куне на неделю. А теперь ...»⁸⁰

Грамота № 1004. Вторая четверть – середина XII в.

Текст в транскрипции А. А. Зализняка делится на слова так:

«Ѡ Лоукы къ Ѡтьцеви. То ти не вѣдало наѣмити, ѣже то ма везель, **на кожахъ вѣверице**, а продалъ ти есемо емоу на 6-сти ногать сковородъ — то

⁷⁸ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., Языки славянской культуры, 2004. С. 219.

⁷⁹ Там же, с. 280 – 281.

⁸⁰ Там же, с. 101.

ти пълънѣ 2е. А ідетъ ти во лодіе съ товаромо. Воземи же ѓ него 2е гривене. Али ти са їзмотаеъ, а молотиво емоу, поустѣ же ї во три».

Перевод: «От Луки к отцу. Вот **не отдал работник**, который меня вез, **денег (вѣверице)** за **кожи**, да я продал ему на шесть ногат сковород — итого полных две [гривны]. А он идет в ладье с товаром. Возьми же у него две гривны. А если отвертится, то объявив ему [об этом], введи его [в долг] в три [гривны]»⁸¹.

Кроме берестяных грамот слово **вѣверицѣ** в качестве общего обозначения денег можно найти в самых разных источниках.

Например, в надписи из Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря (1119 - 1120 гг.). Надпись находится на стене лестничной башни собора; обнаружена Т. В. Рождественской в 1992 г. Надпись была закрыта древней штукатуркой, относящейся ко времени строительства собора (1119-1120 гг.); отсюда ее датировка.

Текст в 4 строки: «**вѣверицѣ три | на десате | гривнѣ | и рѣзана**».

Перевод: "**Денег (вѣверицѣ) тринадцать гривен и резана**". (...)

Слово «вѣверицѣ» выступает в том же значении, которое известно из берестяных грамот: «деньги»⁸².

В том же значении это слово выступает в «Вопрошании Кирика» с ответами новгородского епископа Нифонта (1130-1156 гг.):

«**А за оўпокои сице велаше слоужити сорокоустыє... А испраши, рече, или самъ разоумѣи, коли ти дати вѣверицѣ**»⁸³.

Перевод: «А за упокой так велят служить сорокоуст... А спрашивай, - говорит, - или сам думай, **раз тебе дали деньги (вѣверицѣ)**».

4). Название номинала денежной единицы

Кроме общего обозначения денег слово «веверица» употреблялось, как **название определённой денежно-весовой единицы**.

Она упоминается, например, в ст. 42 Краткой редакции Русской Правды, где был расписан «Покон Вирный» (XI в.) — установление, определявшее размер натурального или денежного сбора в пользу сборщиков судебных пошлин и штрафов (вир): «**а вирникѣ ꙗко 3 ꙗко гривенъ и ꙗко 10 рѣзанъ и ꙗко 12 веверицъ, а при въезде гривна**». Незначительная ценность этой единицы видна из «Вопрошания Кирика», согласно которому церковная свеча стоила

⁸¹ Там же, с.102-104.

⁸² Там же, с. 279.

⁸³ Новгородская (Климентовская) Кормчая книга. 1282 г. ГИМ 80370/750. Инв. № Син. 132. Л. 519а.

Также: Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права / [Ред. А.С. Павлов]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Тип. М.А. Александрова, 1908. / Ч. 1. (Памятники XI-XV в.). - 1908. - 1466 с. и стб. разд. паг. (Русская историческая библиотека, изданная Императорской Археологической комиссией Т. 6). - С. 24.

веверицу: «а юже бы елико субботъ вѣнимати за того и до сорочинъ, обаче много бѣваетъ свечъ и вевериць • $\overline{\text{м}}$ • »⁸⁴, то есть на одни свечи в сорочины, кладя за каждую по веверице, нужно 40 вевериц.

Слово **вѣвериць** в качестве общего обозначения денег — признак древности: оно встречается только в домонгольский период. Деловая переписка жителей средневековой Руси, содержащаяся в берестяных грамотах, а также находки многочисленных кладов с серебряными монетами и платёжными слитками свидетельствуют о том, что в Древней Руси были развитые товарно-денежные отношения и существовала общая устойчивая денежная система, которую Н. П. Бауер условно называет «кунной» по номиналу основной денежной единицы — куны. Денежные единицы, упоминающиеся в грамотах (веверицы, векши, резаны, куны, ногаты, гривны) были не гипотетическими звериными шкурами, а реальными металлическими монетами и слитками. В обращении находились арабские дирхемы, подражания которым также чеканились в Хазарском каганате и Волжской Булгарии. Подданными хазар, согласно ПВЛ, во второй половине IX века были вятичи, древляне, поляне, северяне, радимичи и др. восточнославянские этносы, объединившиеся впоследствии под властью Руси. Н. П. Бауер приравнивает куну именно к арабскому серебряному дирхему. Монеты младших номиналов считаются фракциями дирхема. Веверица в этой системе была наименьшей единицей. В XII веке она меняет своё название на векшу, но не во всех памятниках. Бывают случаи одновременного употребления и старого, и нового названия⁸⁵. По Н. П. Бауеру, в описываемый нами период (конец IX — нач. X вв.) соотношение между денежными единицами было таким:

IX век

Куна (дирхем, весовая норма 2,86 г серебра) = **2 резаны** (1,48 г серебра) = **4 веверицы**. Весовая норма веверицы 0,72 г серебра.

X век

Ногата (полноценный дирхем, 2,46 г серебра) = **1¼ куны** (низкопробный дирхем, 1,97 г) = **2 ½ резаны** (0,98 г) = **5 веверицам** (0,49 г). **Гривна кун** (49,25 г серебра) = **20 ногатам** = **25 кунам** = **50 резанам** = **100 веверицам**. Весовая норма веверицы составляла 0,49 г серебра⁸⁶.

⁸⁴ Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права / [Ред. А.С. Павлов]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Тип. М.А. Александрова, 1908. / Ч. 1. (Памятники XI-XV в.). - 1908. - 1466 с. и стб. разд. паг. (Русская историческая библиотека, изданная Императорской Археографической комиссией Т. 6). - С. 24.

⁸⁵ Бауер Н. П. История Древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. Ин-т истории материальной культуры РАН М., «Русское слово», 2014. С. 222.

⁸⁶ Там же, с. 480.

5). Мелкая монета

В «Пандектах Никона Черногорца», обширной компиляции соборных и святоотеческих канонов, дисциплинарно-покаянных уставов и т. п., переведённых с греческого на древнерусский в XII веке, словом «веверица» передаются названия медных византийских монет из разных эпох совершенно разных номиналов: нуммий (Νούμμος), фоллис (= 40 нуммиев, Φόλλις)⁸⁷ и лепта (по Епифанию Кипрскому (367–403 гг.), ½ фоллиса, Λεπτόν)⁸⁸. В данном контексте лексему «веверица» можно трактовать в значении просто «**мелкая монета**».

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Слово «веверица» получило значение «белка», «беличья шкурка» не ранее конца XIX века (даже в 1 издании словаря В. И. Даля 1863 г. такого значения нет). Этот перевод слова «веверица» на современный язык - совершенно искусственный. **В аутентичных письменных источниках Средних Веков слово «веверица» в конкретном значении «белка» не известно.**

6.3. Технические характеристики и относительная стоимость беличьих шкурок

Чисто с экономической точки зрения, могла ли быть окладной единицей беличья шкурка, за которую нам так усердно выдают веверицу? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно обладать элементарными экономическими знаниями и быть знакомым хотя бы с основами товароведения. Судя по многочисленным работам исследователей, большинство из них исходит из неосновательного постулата, что все беличьи шкурки идентичны и имеют одинаковую стоимость. Впрочем, Д. С. Лихачёв делает оговорку, что речь идёт о «белой (т. е. по серой, зимней) белке. Меха белки ценятся только зимний, как наиболее прочный»⁸⁹.

На самом деле, наиболее ценными считают беличьи шкурки I сорта с волосяным покровом тёмного, а не белого, и серо-голубого цвета, без коричневого острого волоса. К I сорту, относятся шкурки, добытые зимой, то есть, полноволосые, со спелым пышным зимним волосяным покровом, высокой, частой блестящей остью и густым несвалявшимся пухом. Шкурки позднеосенней или раннезимней добычи относятся ко II сорту, так как они имеют еще не вполне развившийся зимний волосяной покров, ость и пух еще не достигли своей полной высоты. Шкурки большинства видов пушных зверей, добываемых во второй половине осени, когда они окончательно очищаются от летнего волоса или он остается в ограниченных размерах на

⁸⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / РАН. Ин-трус. яз.; Гл. ред. Р. И. Аванесов. Том II. М. «Русский язык», 1989, с. 287.

⁸⁸ Бауер Н. П. Указ. Соч. с. 223.

⁸⁹ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть вторая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950, с. 233.

боках, голове или конечностях, относятся к III сорту. В это время зимний волосяной покров достигает не более 2/3 своей полной высоты. Ость бывает частая, но короткая, пух еще слабо развит. Если брать стоимость шкурки I сорта за 100%, то стоимость шкурки II сорта составляет 80%, а шкурки III сорта — 50%. Кроме того, шкурки могут сильно различаться в стоимости в зависимости от размера. Для крупных шкурки цена определена в 100%, для средних — 75% и для мелких — 50%. По окраске волосяного покрова шкурки одного и того же вида зверя могут резко отличаться друг от друга и иметь большую разницу в стоимости. Также по цене шкурки белок делятся в зависимости от кряжа. Кряжем называется совокупность товарных свойств, характерных для шкурки зверей определенного вида, добытых в данном районе и отличающихся от шкурки того же вида других районов. Помимо этого, все шкурки делятся на нормальные и дефектные. К нормальным шкуркам относятся шкурки, не имеющие никаких пороков волосяного покрова и мездры, или имеющие незначительные пороки, которые не вызывают снижения качества шкурки после переработки, то есть в полуфабрикате. Такие пороки не являются дефектами и считаются допусками. Шкурки с малым дефектом оцениваются в 90% стоимости соответствующего сорта (то есть со скидкой в 10%), шкурки со средним дефектом в 75% (скидка 25%), и шкурки с большим дефектом в 50%. Существует ещё много дополнительных критериев, из которых складывается цена полуфабриката. Важным фактором при оценке является выделанная шкурка или невыделанная, то есть снятая с тушки животного шкурка, которая не подвергалась обработке.

В отличие от советских учёных, немецкий дипломат 1-ой половины XVI века Сигизмунд фон Герберштейн, дважды побывавший в составе посольства в Русском государстве, и в 1526 г. проживший 9 месяцев в Москве, хорошо изучил конъюнктуру рынка. Его книга «Записки о Московских делах» (1549 г.)⁹⁰ является одним из наиболее надёжных и грамотных зарубежных источников эпохи Возрождения по истории нашей страны. Вот что он пишет по поводу беличьих мехов: «Беличьи шкурки доставляются тоже из разных мест, наиболее широкие из Сибирской области, а те, что благороднее всех прочих, — из Шуваии (лат. Schuauii), недалеко от Казани, а кроме того, из Перми, Вятки, Устюга и Вологды, откуда они привозятся (в большом числе, тоже вывернутые) всегда связанные пучками по десяти штук. В каждом пучке две **самые лучшие** называются **личные** (*litzschna*), **три, несколько похуже**, именуются **красные** (*crasna*), **четыре — подкрасные** (*rocrasna*), **одна, последняя**, называется **молочная** (*moloischna*), **она самая дешёвая из всех**. Каждую из них можно купить за одну или две **деньги**»⁹¹. Деньга в 1526 г. представляла собой серебряную монету весом 0,37 – 0,38 г. Кроме разницы в сортах меховых полуфабрикатов

⁹⁰ Herberstein, Sigmund von: *Rerum Moscoviticarum commentarii* ([Wien] [1549]).

⁹¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I: латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А.В. Назаренко, с раннего верхненемецкого А.В. Назаренко. М., «Памятники исторической мысли», 2008. С. 283-284.

Герберштейн сообщает о традиционных способах их подделки: «Они (шкурки – В. В.) имеют кое-какие признаки возле головы и хвоста, по которым можно распознать, в надлежащую ли пору пойманы животные. Ибо как только их поймают, с них снимают шкуру, а мех выворачивается, чтобы волос не вытерся и не стал хуже. Если какое-либо животное поймано не в свое время и мех его лишен надлежащего природного цвета, то они вырывают из головы и хвоста волосинки, служащие, как сказано, признаком, чтобы нельзя было узнать, что зверек пойман не в положенное время, и таким образом обманывают покупателей»⁹².

В новейшей истории был пример натурального налогообложения, размер которого исчислялся в беличьих шкурках. В 1921 г., когда большевики полностью развалили экономику послереволюционной России, и в стране в результате гиперинфляции почти прекратилось денежное обращение, они попытались обложить сельское население натуральным налогом. Были установлены: натуральный налог на молочные продукты, на продукты огородничества и бахчеводства, на шерсть, на табак, на мёд и воск, мясной налог, налог птицей с птицеводов и т.д. Для нас представляет интерес Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 августа 1921 г. о натуральном налоге на пушнину⁹³. Касался он только охотников-промысловиков. Налогом облагались граждане, владеющие охотничьим ружьем и другими орудиями охотничьего промысла и проживающие как в промысловых, так и в непромысловых и полупромысловых районах. В Декрете сразу указывались требования к меховым полуфабрикатам: в уплату налога принималась пушнина только свежая, выходная, полного волоса, не мелкая, соответствующая обычной сортировке оригинального сырья, содержащего, включая головку, 50% первого, 35% второго и 15% третьего сорта. Система взимания налога была сложной и приводила к большим издержкам. Каждый охотник, находящийся в непромысловом районе, обязан был доставить 7 шкурок, в полупромысловом - 14 и в промысловом - 21 шкурку белки или других зверей по нормам замены⁹⁴ согласно таблице эквивалентов.

Эта таблица представляет особый интерес, т. к. она даёт представление о ценности шкур разных промысловых животных по отношению друг к другу. Приведу её полностью:

«Размер налога исчисляется в беличьих шкурках. Сдатчикам пушнины предоставляется право замены белки шкурками другого зверя из расчета следующей пропорции: **взамен 1000 белок** — 15 барсов, 175 барсуков, 7000 бурундуков, 25 волков, 17 выдр, 100 горностаев, 1250 белых зайцев, 900 русаков зайцев, 1750 тумачков зайцев (южных), 200 колонков, 175 корсаков, 40 кошек степных, 20 куниц мягких, 35 куниц горских, 875 ласок, 15 лисиц сиводушек (светлых), 9 лисиц сиводушек средних, 4 лисицы сиводушки

⁹² Там же, с. 283.

⁹³ Декрет СНК РСФСР о натуральном налоге на пушнину. 25 августа 1921 г. // «Известия» № 202, 11 сентября 1921 г.; «Собрание Указаний» № 61, ст. 431.

⁹⁴ Там же.

темные, 20 лисиц красных, 35 лисиц светлых степных, 140 лисиц серых (караганок), 12 медведей бурых, 8 медведей черных, 4 медведя белых, 58 норок, 5 песцов голубых, 21 песцов белых, 1000 перевозчиков (перевозка), 25 росомах, 15 рысей, 9 соболей кидасов, 5 соболей светлых меховых, 3 соболя среднего цвета (натуральный), 1 соболь темный, 350 сурков крупных, 160 тарбаганов крупных, 18000 сусликов, 3500 сусликов песчаников (крупных), 355 тюленей, 88 хорей черных (крупных), 300 хорей белых (крупных)»⁹⁵.

В XVIII в., когда в широкой печати появились средневековые русские летописи и началось повальное увлечение древнерусской историей, среди историков-любителей родилась так называемая «меховая теория денег», которая получила широкое распространение и среди историков официальных. Согласно этой теории, все денежные единицы Древней Руси были шкурками пушных зверей. Помимо веверицы, которую В. Н. Татищев считал шкуркой ласки или горностая, сторонники «меховой теории» считали куну шкуркой куницы, ногату - «соболиной шкуркой с четырьмя ногами»⁹⁶ (!), гривну - «шкурой с гривой», мортку (мордку) - «мордочкой» от шкурки животного (!), резану - «разрезанной шкуркой» (!) и т. д. Не смотря на очевидную искусственность этих этимологий, в советское время о них вспомнили, и они стали снова пользоваться популярностью, как в XVIII веке.

Но вернёмся к приведённой таблице эквивалентов пушных полуфабрикатов. Из неё мы можем представить стоимость других мехов, которые сторонники «меховой теории денег» выдают нам за эквиваленты денежных единиц, взяв за единицу измерения беличью шкурку:

- 1 ласка = 1,14 белки;
- 1 куница горская = 28,5 белок;
- 1 куница мягкая = 50 белок;
- 1 соболь кидас = 111 белок;
- 1 соболь светлый меховой = 200 белок;
- 1 соболь среднего цвета (натуральный) = 333 белки;
- 1 соболь темный = 1000 белок.

Как можно заметить, эти пропорции не соответствуют соотношению древнерусских денежных единиц IX – X века, выраженных в серебре, где куна равнялась 4 веверицам:

- 1 веверица = $\frac{1}{2}$ резаны = $\frac{1}{4}$ куны = $\frac{1}{5}$ ногаты = $\frac{1}{100}$ гривны;
- 1 резана = 2 веверицы;
- 1 куна = 4 веверицы;
- 1 ногата = 5 вевериц;
- 1 гривна = 100 вевериц.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Изд. 2-ое. Т. III. М., «Прогресс», 1987, с. 79.

Чтобы понять, сколько стоит пушнина в современных деньгах, возьмём закупочные цены на звериные шкурки за 2025 г. в Красноярском крае (таблица 1). Популяции пушного зверя в Сибири в настоящее время там примерно соответствуют популяциям пушного зверя в Восточной Европе 1100 лет назад.

Таблица 1. Цены на прием пушнины в Красноярске в 2025-2026 гг.⁹⁷

Ассортимент пушно-мехового сырья	Головка	Максимальная оценочная стоимость, руб.	Дополнительные требования при закупке сырья
Шкурки соболя (все кряжи, кроме амурского)	7 цвет; 1 сорт; о.кр; норм.	20 250	неприемные: брак, осенние, поврежденные личинками моли и кожееда, прелые, с жировой гарью, р/о ос; шк.менее пышноволосяе скидка-30%, низкоостные скидка-50%.
Шкурки куницы лесной, горской	1 сорт; норм. самец о/к самка	2 500 1 650	приемные: 1-2 сорт; н., м/д, с/д
Шкурки белки (все кряжи)	1 сорт; норм.	180	неприемные: поврежденные личинками моли и кожееда, р/о ос., прелые, бесхвостые;
Шкурки горностая	1 сорт; норм.; ос. крупный	100	приемные: I; н., м., с.; крупный, средний

Хочу обратить внимание, что у куницы на цену шкурки существенно влияет, кроме других признаков, также пол животного.

Все эти данные я привёл для общего сведения, так как, судя по большинству научных статей на тему варяжской дани, их авторы вообще не представляют себе, что такое беличьи шкурки, которыми их статьи изобилуют. Например, Г. М. Прохоров, автор последнего по времени перевода Лаврентьевской летописи (2017 г.), утверждает, что дань варягам «по бѣлѣи вѣверицѣ от дыма» представляет собой ни что иное, как «**по белой шкурке белки от дыма**», и даже делает «вывод», что «к этому традиционному пониманию текста следует, как мне кажется, окончательно вернуться»!⁹⁸

⁹⁷ Цены на прием пушнины в Красноярске - Прайс лист Сибирь Пушнина. Электронный ресурс, дата обращения 20.02.2026 г.: <https://www.sibpush.ru/zagot/price.html>

⁹⁸ Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Российской академии наук, Российская национальная библиотека ; подготовка текста, перевод и исследования Г. М. Прохорова. - Санкт-Петербург : Росток, 2017. С. 28 – 29.

Зададим себе вопрос: могла ли ежегодная дань «от дыма», то есть от полноценного хозяйства, составлять эквивалент беличьей шкурке, оценивающейся в ничтожную сумму 180 рублей? Учитывая дешевизну беличьих шкурок, вслед за К. Цукерманом хочется задать ещё один вопрос. Если варяги, действительно, стали бы получать «с дыма» или «с мужа» по беличьей шкурке, что стали бы делать эти профессиональные воины с горами мехового ширпотреба, по какой цене они могли бы его реализовать, был ли экономический смысл его экспортировать и какой внешний рынок был бы способен его поглотить?⁹⁹

В исторической литературе можно встретить цитаты из «Записок» секретаря арабского посольства к правителю Волжской Булгарии в 921 - 923 гг. Ахмеда ибн Фадлана, где он также говорит о дани, которую славяне якобы платили хазарам. В переводе А. П. Ковалевского (1956 г.) это место звучит так: «На царе “славян” (лежит) дань, которую он платит царю хазар, от каждого дома в его государстве — шкуру соболя»¹⁰⁰. Однако слово «ас-сакалиба», которое А. П. Ковалевский переводит, как «славяне», в данном контексте является названием волжских булгар, а не славян, о чём он сам же сообщает в комментариях¹⁰¹. Дань хазарам, которую, согласно Ахмеду ибн Фадлану, платил «царь» волжских булгар, — шкура соболя «от каждого дома в государстве», выглядит непомерной, особенно если считать соболя за 1000 белок. Здесь надо отметить, что достоверность сведений средневековых арабских писателей весьма сомнительна. К тому же, сделать точный перевод средневековых арабских текстов ещё труднее, чем древнерусских.

Нельзя забывать, что произведения средневековых авторов, что арабских, что русских — это не точный финансово-политический отчёт, основанный на официальных документах и личном участии в дипломатической работе и хозяйственном обороте, как, например, «Записки» С. Герберштейна, а описательные произведения, основанные на устной традиции или письменных источниках, достоверность которых может быть весьма условна.

Хочется подвести краткое резюме.

- 1) **Беличьих шкурок белого цвета не существует.** Редчайшее исключение: белка-альбинос.
- 2) **Наиболее ценной считается зимняя шкурка белки наиболее тёмного цвета, в отличие от противоположного утверждения Д. С. Лихачёва.**

⁹⁹ Цукерман К. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. — М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 473.

¹⁰⁰ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о путешествии на Волгу в 921-922 гг. Изд. Харьков. ун-та. Харьков, 1956. С. 140.

¹⁰¹ Там же, с. 233. Прим. 651а.

- 3) Беличьи шкурки существенно отличаются друг от друга по цене в зависимости от перечисленных выше критериев, и как мера стоимости в средневековых источниках неизвестны.

6.4. « По щелягу от рала»

В ПВЛ наряду с веверицей упоминается ещё одна платёжная единица, в которой исчислялась дань славян хазарам, - щеляг (др.-рус. щѣлагъ, щѣлагъ или щѣлагъ), который взимался «от рала». Возьмём Ипатьевскую летопись (рис. 17, 18).

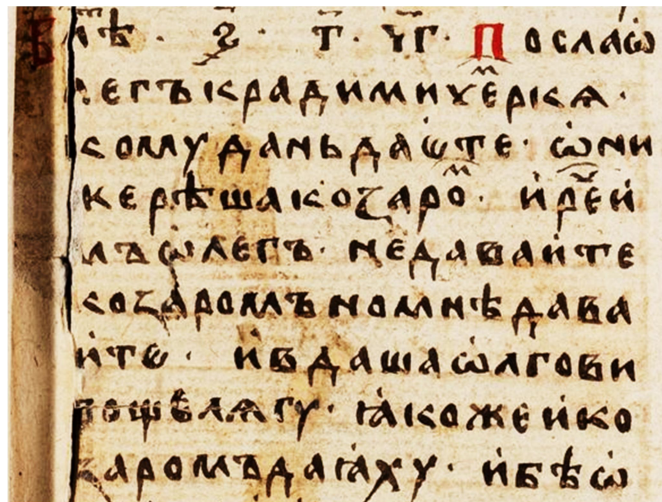

Рис. 17. Ипатьевская летопись. Библиотека РАН. Шифр хранения НИОР 16.4.4., л. 10.
Статья 6393 (885) год

Перевод: «В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но мне давайте». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали».

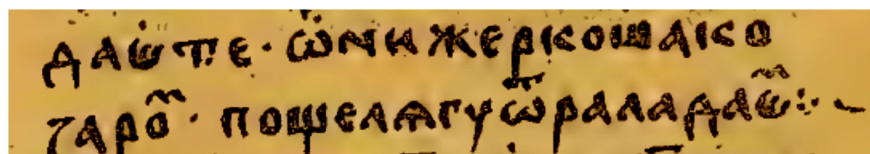

Рис. 18. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Фотолитография.
Изд. Археогр. Ком. СПб, 1871. С. 48. Статья 6472 (964) год.

В 6472 (964) году внук Рюрика князь Святослав Игоревич предпринял свой первый поход: «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи и рече имъ: «Кому дань даете?» Они же ркоша: “Козаром по щелягу от рала даем”» (транскрипция О. В. Творогова)¹⁰². Перевод: «И пошел на Оку реку и на

¹⁰² Повесть временных лет. Комментарий О. В. Творогова / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — нач. XII в. М., «Худож. лит.», 1978. С. 112-114.

Волгу, и наехал на вятичей, и спросил их: «Кому дань даёте?» Они же ответили: **“Хазарам по щелягу от рала даём”**».

И Д. С. Лихачёв, и О. В. Творогов дают перевод не «от рала», а **«от сохи»**. Естественно, речь идёт не о пахотных орудиях труда. Они имеют в виду позднесредневековую единицу оклада, имевшую название «соха». Но здесь у них явный анахронизм. Впервые «соха», как юридический термин, упоминается в летописи Авраамки (1495 г.) в статье под 6916 (1408) годом. Там беклярбек Золотой Орды Едигей упрекает московского князя Василия Дмитриевича в том, что тот всяческими способами уклонялся от выплаты дани Орде: «а что твои приказы и грамоты твои к намъ, то еси намъ все лгалъ; а что еси ималъ въ твоей деръжавѣ съ всякого улуса **съ дву сохъ рубль**, и паки тое серебро гдѣ ся дѣваетъ?»¹⁰³ Перевод: «а что твои увещевания и грамоты твои к нам, ты нам всё лгал; а что ты брал в своей державе со всякого улуса **с двух сох рубль**, и куда потом эти деньги делись?»

В юридических актах соха появляется в Грамоте Великого Новгорода о предоставлении на год «чёрного бора» с Новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу, датированной 1437/1448 или 1456–1461 гг.:

«А брати князя великого черноборцемъ на новоторжскихъ волостехъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новои, а писцу княжу мортка съ сохи. А в соху два коня, а третье припряжь; да тшанъ кожевничской за соху; неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи; кузнецъ за соху; четыре пѣшци за соху; лодья за двѣ сохи; црѣнь за двѣ сохи. А хто сидитъ на исполовьѣ, на томъ взяти за полсохи.»¹⁰⁴

Перевод: «А братъ великокняжеским черноборцам (сборщикам дани) во всех новоторжских волостях, как пошло в старину, **с сохи по новой гривне, а писцу княжескому мортка** (мелкая счётно-денежная единица – В. В.) **с сохи**. А в соху два коня и третья пристяжная; и кожевничий чан за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четверо безлошадных (хозяйств?) за соху; ладья за две сохи; црен (котёл для вываривания соли) за две сохи. А кто сидит на исполовьѣ (арендатор, отдающий половину дохода собственнику), с того взятъ за полсохи».

Как видно из этого документа, соха – это крупная единица обложения, причём она не имеет никакого отношения к сельскохозяйственным орудиям труда. Теперь посчитаем, сколько составлял налог с сохи в денежном выражении. В 1408 г. говорится о **рубле** с двух сох, ближе к середине XV века о **новой гривне** с сохи.

Гривна представляла собой платёжный слиток из высокопробного серебра для расчётов по крупным сделкам. Начиная с последней четверти XIII в. такие слитки в берестяных грамотах стали называться рублями, а слитки в половину рубля – полтинами. Оба эти названия – гривна и рубль –

¹⁰³ ПСРЛ, т. XVI. СПб, тип. Ф. Елеонского, 1889. Стлб. 158.

¹⁰⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., изд. АН СССР, 1949. С. 39.

обозначали одно и то же¹⁰⁵. До конца XIV века вес новгородского серебряного **гривны-рубля** был равен 197 граммам, но около 1389 г. был снижен до **184 г**, и эта весовая норма продержалась до 1446/47 года¹⁰⁶. В 1420 году в Новгороде начали чеканить собственную монету номиналом «деньга», которая весила 0,80 г высокопробного серебра. Наряду с рублём-слитком весом в 184 г появился счётный денежный рубль, равный 216 новгородским деньгам. Он назывался «**новым рублём**» или «**новой гривной**» и весил **172,80 г**¹⁰⁷. В 1446/47 году выпуск платёжных слитков был прекращён. «Старые» (др.-рус. **вѣтѹиє**) слитки-гривны весом 184 г изъяли из обращения и переплавили в монеты. Счётной денежной единицей оставалась теперь только «новая гривна» весом 172,80 г.

Таким образом, в 1408 г. предполагаемый налог составлял **184 г серебра с двух сох**, а в середине XV века реальный налог «чёрный бор» - **172,80 г серебра с сохи**.

«**Мортка**», которую получал с сохи княжеский писец, по данным на 1404 год, весила 0,50 г серебра. Гривна новгородская («старая», 184 г) = 364 морткам¹⁰⁸. К 1494 г. вес мортки снизился до 0,40 г¹⁰⁹.

А теперь попробуем выяснить, что такое «щеляг», который хазарам платили «от рала».

Согласно мнению Д. С. Лихачёва, «Щляг — монета, точное значение и происхождение которой не выяснено. Еще раз эта монета упомянута под 964 г. По-видимому, это монета польская (ср. литовск. szillings, англо-сакс. scilling, гот. skilliggs, польск. szelag). **Сбор дани с радимичей и вятичей польскою монетою „щелягом“** очевидно домысел летописца (так как Радим и Вятко, родоначальники князей радимичей и вятичей — „от рода ляхов“!). На самом деле археологи никаких „щеляг“ на территориях этих племен не находили»¹¹⁰.

Сразу хочется возразить Д. С. Лихачёву. Монета с обиходным названием «щеляг» начала выпускаться в Польше только в 1578 году, через 200 лет после написания Лаврентьевской летописи, и летописец никак не мог применить её название для «домыслов» в 1377 году.

Не совсем понятно, почему Д. С. Лихачёв считает слово **щелягъ** польским. Это название вполне соответствует общеславянским нормам словообразования. В IX и X веках это слово даже произносилось по-древнерусски совершенно так же, как польское **szelag**. Польская буква **а** перед **г** звучит как носовое [эр] или [ѣ]. Древнерусская буква **ѧ** (юс малый)

¹⁰⁵ Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк; 2-е изд. М., 1960. С. 40; 3-е изд. Л., 1962. С. 66.

¹⁰⁶ Бауер Н. П. 2014. История древнерусских денежных систем IX в. - 1535 г. Москва, «Русское Слово», 2014. С. 344-345.

¹⁰⁷ Там же, с. 433 и 484.

¹⁰⁸ Там же, с. 483.

¹⁰⁹ Там же, с. 484.

¹¹⁰ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть вторая. Изд. АН СССР. М-Л, 1950, с. 254.

тоже передавала назализованный гласный заднего ряда [ɔ̃] (как французское «on» в слове «bombon» или польское *a* в слове «kał»). Слово **цѣлагъ/szeląg** по звучанию является практически точной транскрипцией старовехненемецкого Scilling и немецкого Schilling («**шиллинг**») – названия денежно-счётной единицы монетной системы Каролингов. Шиллинг, в свою очередь, был германизированным отражением названия римской монеты «солид» (лат. Solidus). С 743 г. он был равен $\frac{1}{20}$ фунта и делился на 12 денариев (пфеннигов). Со времён монетной реформы Карла Великого 796 г. денежно-счётный шиллинг получил распространение не только в империи Карла, но также и в государствах Италии, Франции, Англии (с XI в.), германских государствах и других странах Западной Европы, в том числе у прибалтийских крестоносцев.

Обозначало ли летописное слово «щеляг» денежно-счётный шиллинг или что-то иное, является предметом дискуссий. А. П. Новосельцев (1990 г.) выдвигает альтернативную версию. В Хазарском каганате царь и его окружение приняли иудаизм, и торговля полностью находилась в руках еврейских купцов, живших во всех городах страны. Основная денежная единица Хазарии – «арабский дирхем с его разновидностями, чеканившимися в самостоятельных или полусамостоятельных государственных образованиях Северной Африки, Средней Азии и Ирана... получил (у еврейских купцов) название «**шэлэг**» («**белый**», «**серебряник**»), и эта денежная единица упоминается в ПВЛ для хазарских владений в землях восточных славян».¹¹¹

Против этого возражает К. Цукерман (2018 г.). Он проводит любопытную параллель между данью радимичей и вятичей хазарам с податью, которой обложили полабских славян саксонцы, из «Славянской хроники» Гельмольда из Босау (60-е гг. XII в.). К. Цукерман приводит три отрывка из Хроники в откорректированном им переводе с латинского Л. В. Разумовской. Два первых отрывка (I. a. и I. b.) относятся к X веку, третий (II.), по существу идентичный, касается поборов в пользу епископа, назначенных современником Гельмольда герцогом Саксонии и Баварии Генрихом Львом (ум. в 1180 г.):

«I. a. Dabatur autem pontifici annuum de omni Wagirorum sive Obotritorum terra tributum, quod scilicet pro decima imputabatur, **de quolibet aratro** mensura grani et XL resticuli lini, et **XII nummi puri argenti**. Ad hoc unus nummus, pretium colligentis. Slavicum vero aratrum par boum aut unus conficit equus (I, 12, p. 25).

Ежегодно со всей земли вагров и бодричей вносилась епископу считавшаяся десятиной дань: **с каждого плуга** по мере зерна и по 40 пучков льна и по **12 монеток чистого серебра**; сверх того, одна монетка как вознаграждение для сборщиков. Славянский же плуг составляет пара волов или одна лошадь (ср. Гельмольд, 1963: 55).

¹¹¹ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., «Наука», 1990. С. 117.

I. b. Est apud Obotritos pontificale tributum, quod pro decimo imputatur, **de quolibet scilicet aratro**, quod duobus bobus aut uno constat equo, mensura grani et XL restes lini et **XII nummi probatae monetae**; praeterea unus nummus, qui debetur colligenti (I, 14, p. 28).

Существует у бодричей считающаяся десятиной дань в пользу епископа, а именно с **каждого плуга**, который состоит из двух волов или одной лошади, вносится одна мера зерна, 40 пучков льна и **12 монеток официальной чеканки**; кроме того, одна монетка, которая полагается сборщику (ср. Гельмольд, 1963: 58).

II. Et precepit dux Slavis, qui remanserant in terra Wagirorum, Polaborum, Obotritorum, Kicinorum, ut solverent redditus episcopales, qui solvuntur apud Polanos atque Pomeranos, hoc est **de aratro** tres modios siliginis et **duodecim nummos monetae publicae**. Modius autem Slavorum vocatur lingua eorum 'curitce'. Porro Slavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidem equis (I, 88, p. 174).

А славянам, которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан, герцог повелел, чтобы они платили поборы епископу, как их платят у полонов и поморян, то есть с **плуга** по 3 модия ржи и по **12 монеток государственной чеканки**. Модий же у славян называется на их языке корец. Славянский же плуг составляется из двух волов и стольких же лошадей (ср. Гельмольд, 1963: 200)»¹¹².

Под 12-ю «монетками серебра государственной чеканки», которые я выделил в тексте, К. Цукерман подразумевает **12 денариев** (пфеннигов), составляющие денежно-счётный **шиллинг**. Далее К. Цукерман приводит гипотезу А. В. Комара (2011 г.), согласно которой «происхождение поплужной системы налогообложения с единицей в 1 шиллинг серебра следует связать с древнесаксонским обществом, откуда эта традиция распространилась в Англию и к прибалтийским славянам, после чего и была заимствована в X в. Русью». В рамках этой гипотезы появление шиллинга как меры серебра связано вовсе не реформой Карла Великого, а с неким «салическим солидом», и **весил он всего 16,38 г**, прекрасно вписываясь в систему древнерусских весовых гирек (две гирьки по 8,19 г). Из этого следует вывод: «Археология не оставляет никаких сомнений в том, что счет в системе весового шиллинга был широко распространенным на Руси X — начала XI вв., до появления собственной кунно-резанной денежной системы»¹¹³.

Не стану обсуждать степень достоверности всех этих гипотез, так как это не является темой моей работы. Просто подытожу мнения, чтобы понять ценность «щеляга», взимаемого **«от рала»**, выраженную в граммах серебра. Если «щеляг» - это дирхем, то его вес колеблется от 2,86 г серебра в IX веке

¹¹² Цукерман К. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. — М.: Институт российской истории РАН, 2019 - с. 468.

¹¹³ Комар А.В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах 9. Киев-Харьков 2010—2011. С. 158.

до 2,46 г серебра в X-ом. Если же это шиллинг, то, согласно версии А. В. Комара, его вес составлял 16,38 г серебра. Ни первые, ни вторая цифры не идут ни в какое сравнение с реальным платежом «чёрного бора» «по новой гривне» весом 172,80 г серебра **с сохи** в Грамоте Великого Новгорода. Из этого следует, что перевод Д. С. Лихачёва и О. В. Творогова летописной обложной единицы «рало» словом «соха» абсолютно некорректный. «Соха», во-первых, была очень крупной единицей, признаваемой в XV веке главной мерой при раскладке податей и повинностей. И, во-вторых, как это ясно следует из новгородской Грамоты, она не являлась постоянной и не была привязана к площади определённого участка обрабатываемой земли, а распространялась на предприятия, промыслы, имущество и т. д. В XIII, XIV и XV вв. все земли в северо-восточной Руси, городские и не городские, приведенные в известность, т. е. описанные и измеренные при описании их для сбора податей и раскладки повинностей, делились: 1) на чети и сохи, 2) на выти и обжи и 3) на кости¹¹⁴. В конце XV века, по завоевании Новгорода великим князем Иваном Васильевичем, мы видим неоднократную перемену в измерении новгородских сох; так, в одной новгородской переписной книге в соху положено 3 обжи, а на обжу четыре коробьи или восемь четей, следовательно, в соху 24 чети, — а в другой новгородской писцовой книге в соху положено 126 четей или четвертей; потом встречаем по 30 четей в новгородскую соху; такое же непостоянство в измерении сох мы встречаем и в других русских владениях¹¹⁵.

«Рало» - это архаичная обложная единица домонгольской эпохи, и можно только предположить, что она из себя представляла. Гипотетически аналогию можно увидеть в поборах с латинским названием **aratrum** из Хроники Гельмольда (которое Л. В. Разумовская условно переводит словом «плуг»). Во всяком случае, **перевод обложной единицы «рало» средневековым юридическим термином «соха», как это делают Д. С. Лихачёв и О. В. Творогов, является неправильным.**

ВЫВОДЫ

Я коснулся переводов лишь нескольких статей в датированной части Повести временных лет. Если исследовать переводы полностью, то исследование выльется в многотомный труд, намного превышающий по объёму опубликованный Д. С. Лихачёвым в 1950 году двухтомник. Но и того материала, который я привёл в данной статье, вполне достаточно, чтобы сделать предварительный вывод.

Задача переводчика текста - передать содержание текста на одном языке средствами другого языка. Однако, как мы видим, никто из учёных не хотел быть простым переводчиком. Практически каждый переводчик в той или иной степени выступал не только как посредник, но и как интерпретатор

¹¹⁴ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 320.

¹¹⁵ Там же, с. 321.

и реконструктор текста. Но и в той части летописей, которая полностью соответствует фактическому материалу, перевод их на современный язык не отличается компетентностью. В переводах древнерусских летописей мы можем увидеть всю совокупность переводческих ошибок: 1) недостаточное владение языком оригинала; 2) недостаточная предметная и историко-культурная компетенция, т. е. недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности; 3) невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т. е. непонимание того, что автор говорит о предмете; 4) неумение различать особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения.

Отдельно хотелось бы поговорить о «классическом» переводе Повести временных лет, сделанном Д. С. Лихачёвым. Текст, который Д. С. Лихачёв опубликовал под заголовком «ПВЛ по Лаврентьевской летописи 1377 года», может рассматриваться как популяризаторская интерпретация, но не соответствуют критериям научного перевода. Это совершенно другая, не совпадающая с Лаврентьевской, летопись, которую Д. С. Лихачёв произвольно скомпоновал из фрагментов разных летописных памятников, не руководствуясь при этом достаточными критериями. Сам древнерусский текст переведён непрофессионально, с явными переводческими ошибками, с искажением дат и добавлением топонимов и этнонимов, которых нет в оригинале. Данный пример демонстрирует принципиальную проблему: переводчик фактически осуществляет нормотворческую функцию, подменяя данные источника реконструкцией.

При переводе летописей на современный русский язык нужен принципиально иной подход. В первую очередь, у переводчика должно быть абсолютно нейтральное отношение к тексту. Переводчик не должен добавлять туда названия, которых там нет, изменять слова, даты и исправлять фразы по собственному усмотрению. Задача переводчика – дословно перевести текст, а не пытаться стать соавтором. И, во-вторых, перевод должен быть грамотным. Если топоним или этноним неизвестен, не следует переводить его похожим названием из современного языка, а если встречается лексическая единица языка, которая малопонятна, не следует искать аналоги в современных агнонимах. Браться за перевод исторического текста должен квалифицированный специалист, обладающий всем комплексом профессиональных знаний.

Вывод, который я могу сделать, неутешителен. На сегодняшний день не существует профессионального перевода на современный русский язык ни одной из древнерусских летописей. И это большая трагедия для отечественной историко-филологической науки.

Список источников / References

1. Бауер Н. П. История Древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. Ин-т истории материальной культуры РАН М., «Русское слово», 2014.

2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
3. Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права / [Ред. А.С. Павлов]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург : Тип. М.А. Александрова, 1908. / Ч. 1. (Памятники XI-XV в.). - 1908. - 1466 с. и стб. разд. паг. (Русская историческая библиотека, изданная Императорской Археографической комиссией Т. 6).
4. Выпрашивание Кюриково // Калайдович, К. Памятники российской словесности XII века / изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков. — Москва : в типографии Семена Селивановского, 1821. С. 165—203.
5. Галицко-Волынская летопись (Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой) / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб, «Наука», 1997. С. 184-357.
6. Гельмольд. Славянская хроника / Предисл., пер. и примеч. Л.В. Разумовской. М., 1963.
7. Герберштейн С. Записки о Московии. Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I: латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А.В. Назаренко, с раннего верхненемецкого А.В. Назаренко. М., “Памятники исторической мысли”, 2008.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., изд. АН СССР, 1949.
9. Гусев А. Элементарный учебник церковно-славянского языка для начальных училищ, церковно-приходских школ и школ грамоты. Москва. В синодальной типографии. 1892.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 1. Изд. Об-ва любителей русск. словесности при Моск. университете. М., тип. А. Семена, 1863.
11. Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Вел. Князе Михаиле Александровиче / Архив русской революции. Т. 19. — Берлин. 1928.
12. Декрет СНК РСФСР о натуральном налоге на пушнину. 25 августа 1921 г. // «Известия» № 202, 11 сентября 1921 г.; «Собрание Узаконений» № 61, ст. 431.
13. Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова; Статьи В. Лебедева и В. Панова. — М.—Л.: Academia, 1936.
14. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., Языки славянской культуры, 2004.
15. Ипатьевская летопись. Библиотека РАН. Шифр хранения НИОР 16.4.4.
16. Ипатьевская летопись | НЭБ Книжные памятники. Электронный ресурс – дата обращения 20.02.2026 г.: <https://kp.rusneb.ru/item/material/ipatevskaya-letopis>
17. Карамзин, Н. М. История Государства Российского. Т.I. : Печатано в Военной типографии Главного штаба Его императорского величества, СПб [1816].
18. Кенигсбергская (Радзивилловская) летопись. БАН, 34.5.30.
19. Клеванов А. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от её начала до половины XIV века. — М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1871.
20. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о путешествии на Волгу в 921-922 гг. Изд. Харьков. ун-та. Харьков, 1956.
21. Комар А.В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах 9. Киев-Харьков 2010—2011.
22. Краснов Ю. Ранняя история сохи // Сов. археология : журнал. — 1986. — № 1. С. 105-106.
23. Лаврентьевская летопись, РНБ, F.п.IV.2.

24. Лаврентьевская летопись 1377 г. Электронное представление рукописного памятника // «Лаврентьевская летопись» © Российская национальная библиотека, 2012 – дата обращения 20.02.2026 г.:
<https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php>
25. Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Российской академии наук, Российская национальная библиотека ; подготовка текста, перевод и исследования Г. М. Прохорова. - Санкт-Петербург : Росток, 2017.
26. Лаврентьевская летопись [Текст]: факсимильное издание / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Российской академии наук, Российская национальная библиотека. — Санкт-Петербург: Росток, 2017.
27. Лейбович Л. И. Сводная летопись, вып. 1, „Повесть временных лет”. СПб., 1876
28. Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание проф. Тимковского при общ. Истории и древностей Российских. М., 1824.
29. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года // Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времён. СПб, 1767.
30. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. СПб, 1872.
31. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб, 1897.
32. Независимый летописный свод 80-х годов XV века (Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье и Н. И. Милютенко, перевод Н. И. Милютенко / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб, «Наука», 1999. С. 400 – 554.
33. Новгородская (Климентовская) Кормчая книга. 1282 г. ГИМ 80370/750. Инв. № Син. 132.
34. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии, 1875.
35. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., «Наука», 1990.
36. Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб, Вита Нова, 2012.
37. Повесть временных лет. Подготовка текста О. В. Творогова, перевод Д. С. Лихачева / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — нач. XII в. М., «Худож. лит.», 1978. С. 23-278.
38. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева / «Изборник» / Библиотека всемир. литературы. Серия первая. Т. 15. М., «Худож. лит.», 1969. С. 28-91.
39. Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. Часть 1-2. Изд. АН СССР. М-Л, 1950.
40. Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подг. текста, и перевод Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб, «Наука», 1996.
41. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии, 1871.
42. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии, 1872.
43. Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л.: Изд-во Академии наук, 1950.
44. ПСРЛ, т. I. СПб, 1846.
45. ПСРЛ, т. I. 2-е изд. / Под ред. Е. Ф. Карского. Вып.1-3. — Л., 1926—1928.
46. ПСРЛ, т. II. Вып. 1, изд. 3-е. — Петроград, 1923.
47. ПСРЛ, т. XVI. СПб, тип. Ф. Елеонского, 1889.

48. Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. — СПб., 1902. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи.
49. Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994. Кн. 1-2. (в Кн. 1 — полное факсимильное цветное воспроизведение памятника, в Кн. 2 — полная транскрипция текста, статьи Г. М. Прохорова и Б. А. Рыбакова, искусствоведческое описание всех миниатюр).
50. Севернорусский летописный свод 1472 года (Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова) / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб, «Наука», 1999. С. 318-529.
51. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) [изд. 13 томов] / РАН. Ин-т рус. яз. - Том I - XIII. -М. 1988-2023.
52. Словарь русского языка XI-XVII вв. [изд. 32 выпуска] / «Наука» / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Вып. 1 – 32. – М. 1975-2023.
53. Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк; 2-е изд. М., 1960.
54. Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк; 3-е изд. Л., 1962.
55. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (в 3-ех томах). - Том I - III. - Издание Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1890—1912.
56. Татищев В. Н. История Российская. Кн. 2. Изд. Имп. Моск. университета. 1773.
57. Творогов О. В. Повесть временных лет / Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, «Наука», 1997. С. 62-315.
58. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Изд. 2-ое. М., «Прогресс», 1986 – 1987.
59. Цены на прием пушнины в Красноярске - Прайс лист Сибирь Пушнина. Электронный ресурс, дата обращения 20.02.2026 г.:
<https://www.sibpush.ru/zagot/price.html>
60. Цукерман К. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. — М.: Институт российской истории РАН, 2019 – с. 457 – 482.
61. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Изд. Имп. Археогр. комиссии. Петроград, 1916.
62. Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., Новости, 1990.
63. Herberstein, Sigmund von: *Rerum Moscoviticarum commentarii* ([Wien] [1549]).
64. *Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiej Rusi* Macieja Strykowskiego. — Warszawa: Nakł. G. L. Glücksberga, 1846. — Т. 1.